

18+

ЛОВО ПЕРОИС

**ЭКСПЕРИМЕНТЫ:
ЧАСТЬ ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕЕ**

МИКС-СТОРИС 2.0

ДОПОЛНЕННЫЙ СБОРНИК
РАССКАЗОВ

Лово Пероис
Эксперименты: часть
прошлого и настоящее. Микс-
сторис 2.0. Дополненный
сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40220030
ISBN 9785449606563

Аннотация

В сборник вошли истории, часть которых, как и название, написаны не прямолинейно и с большой долей иронии по отношению к жизненным ситуациям и окружающей действительности. Основную часть составляют мистические сюжеты, в которых события не поддаются объяснению и пропитаны пробирающим до костей ужасом. Героям фантастических рассказов предстоит ощутить отчаяние и холод безысходности, взглянуть в лицо безжалостной реальности или в очередной раз спасти человечество и всё мироздание.

Содержание

От автора	5
Часть первая. Прошлое	7
Moonchild	7
Моя – Самурай	12
Три-четыре	20
Муза	28
Проз-з-заик	33
Мимо	45
Никто-мэн	53
Я – Весна	62
Минус день	74
«КПД» или Как поживаешь, дружище?	78
Я полон света	100
Свич1	107
Лишь ты спасенье мне	116
Тик-так	121
Дитя моей синей птицы	125
Конец ознакомительного фрагмента.	133

**Эксперименты: часть
прошлого и настоящее
Микс-сторис 2.0.
Дополненный
сборник рассказов**

Лово Пероис

Дизайнер обложки Юрий Воронин

© Лово Пероис, 2020

© Юрий Воронин, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-0656-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В сборник вошли истории, часть которых, как и само название, представлена не прямолинейно и с большой долей иронии по отношению к жизненным ситуациям и окружающей действительности.

Основную часть составляют мистические сюжеты, и происходящие в них события не поддаются объяснению. Они пропитаны пробирающим до костей ужасом и способны заставить любого бояться собственной тени.

Героям фантастических рассказов предстоит ощутить отчаяние и холод безысходности, взглянуть в лицо безжизненной реальности, в которой им больше нет места, или в очередной раз спасти Человечество и всё Мироздание.

Безусловно, главный вопрос, которым может задаться читатель при выборе этой книги, звучит вполне резонно – зачем мне читать неизвестного автора, когда у любимого недавно вышла новая? Однако, как знать, может быть именно таких историй Вам и не хватало...

Словом, желаю приятного прочтения и непоколебимой веры в добро!

*С любовью и позитивом,
Ваш скромный слуга пера и странного воображения,
Юрий Воронин (под псевдонимом Лово Пероис).*

P.S. Рассказы написаны за период 2006—2019 гг.

P.P.S. Я не преследую цели высмеивать, оскорблять или ущемлять чьи-либо права, взгляды и убеждения. Тем более, навязывать своё мнение или утверждать, что чёрное – это белое. И, будучи обычным человеком, не машиной, заранее прошу прощения за возможные ошибки.

28.12.2018

Часть первая. Прошлое

Moonchild (Лунный ребёнок)

Всё вокруг было настолько разнообразным, что это даже смутило её. Насколько она помнила слова матери, окружающий мир не очень дружелюбен и таит в себе много опасностей и несправедливости. Хотя, сейчас всё выглядело по-другому. Может, в чём-то этот мир и был неправильным, но видимо не сегодня. То, что открылось её глазам, было просто великолепным, добрым, мягким, красивым и новым. Да, самое главное – **НОВЫМ!**

Свежий и чистый воздух был полон различных ароматов. Мягкий утренний ветерок ласково гладил по голове, нежно шептал в ушки, играл с кончиками волос. Иногда он обвивался вокруг её тела и уносился прочь. Потом снова откуда-то появлялся и вновь заигрывал с ней. Она радостно, но чуть неуклюже, играла с ним в догонялки, а он, почему-то, всегда убегал от неё и не давал возможности себя поймать. Это даже огорчало. И куда бы она ни посмотрела, везде было интересно. Спокойствие не оставляло её ни на секунду. Она знала, что опасности не было. Так, почему же мама

беспокоилась?

Запахи. Эти интересные запахи! Откуда их так много? Что они? И почему все такие разные? Кто их придумал? Наверное, только мама могла знать. Надо будет обязательно спросить её об этом. Потому что, запахи очень заинтересовали. Конечно, если бы сейчас встретить того, кто мог дать ответы на эти вопросы, было бы лучше.

Подняв голову вверх, она обнаружила что-то бесконечное, светло-голубого, почти белого, цвета. И не только над собой. «Что-то» простиралось далеко-далеко, так, что глаза не могли найти место, где оно заканчивалось. Это было похоже на большое покрывало. И, хотя она не могла точно определить цвет – он как будто менялся – ей почему-то казалось, что «покрывало» голубого цвета. Может ей так хотелось. Могла же у неё быть слабость, не так ли? Она всё-таки девочка! Спустя несколько мгновений высоко в «покрывале» она увидела тёмные точки-чёрточки. Они имели странную форму, не такую, как её комната, а всего с одним углом. И они двигались. Внимательно присмотревшись, она точно в этом убедилась – точки определённо двигались. Они будто плыли в «покрывале». Плыли, но только куда – она не знала. Вполне возможно, что есть много таких «покрывал», и в каждом из них есть свои тёмные точки, которые куда-то плывут.

Её голова закружилась, и она упала в траву. Мама говорила, что землю покрывает мягкий ковёр, который называ-

ется «травя». И она снова знала, что находится в безопасности. Травя была довольно высокой, почему-то выше её головы. Не вставая, она пыталась вытянуть шею выше, чтобы оказаться над этим ковром, но ей этого не удавалось. Слегка рассердившись, она фыркнула. Что-то крошечное взлетело с травинки в воздух и окутало её облаком. Было похоже на пыль, но по словам матери, у пыли не было много мелких ножек, которыми бы та могла щекотать нос. Наверное, это была необычная пыль. Такая, которая может ходить, потому что у нее есть ножки. От этого ей захотелось чихнуть. И она чихнула. Крупинки пыли разлетелись в разные стороны, а она бросилась их догонять. Но, тот же веселый ветерок, снова появившийся ниоткуда, подхватил те и унес прочь. Она остановилась, гнаться было не за кем. Жаль, а ведь игра только началась...

Ногa защекотало. Специально не смотря вниз, она зажмурила глаза и стала ждать. Ждать момента, когда можно будет схватить того, кто карабкался по её ногe. Мама говорила, что в траве живёт много мелких животных, очень мелких. Таких, что их прозвали «насекомыми». Наверное, слово «насекомое» означает «мелкий». Ей понравилось её маленькое открытие. Очень смешное прозвище – «насекомое». Теперь она может дразниться. Наверняка, никто не смог бы придумать прозвище лучше этого. Она даже гордо вытянула шею. А потом открыла глаза и резким движением схватила того, кто звался «насекомым». Потеряв интерес, потому что

жучок в миг перестал шевелиться, она отбросила его в сторону. И тут же услышала, как тот зашелестел своими ножками по листьям и траве, убегая прочь. Она была уже равнодушна. Пусть убегает, вдруг она передумает и снова поймает его. Тогда ему несдобровать!

Она присела. Устала стоять. Надо было перевести дух. Мама говорила, что, когда много двигаешься или куда-то бежишь, можно устать. Это означало, что надо беречь силы. Для маленького растущего организма важнее всего не тратить силы, а наоборот – копить. Ведь, предстоит так много всего сделать в жизни, что не будет хватать времени копить их. Как всегда, мама была права, и она слушала её. А ещё мама говорила, что она родилась ночью. Это такое время, когда темно и на небе нет Солнца. Вместо него есть какая-то «Луна». Она ещё ни разу не видела её, но надеялась, что это скоро случится. Так вот и получалось, что копить силы нужно было вдвойне. Потому что, ночью тоже происходит много интересного, и ей не терпелось узнать, что именно.

Солнце теплело, и воздух постепенно становился горячим. Ей тоже стало тепло, даже жарко. Она поднялась и прошла немного по тропинке, оглядываясь вокруг. Теперь она знала, как всё выглядит снаружи. Изнутри ничего непонятно, ей нужно было проверить самой. Мамины рассказы интересны, но их надо проверить. Ведь так?

– Белка, домой! – услышала она голос хозяина и побежала на зов, радостно виляя хвостом. День начался, а после него

будет ночь, и тогда она сможет узнать, что в ней происходит...

Моя – Самурай

1. «эти»

Несмотря на свой возраст, ей легко удалось прокрасться на закрытую территорию. Было уже достаточно темно, и никто её не видел. Она воспользовалась моментом, как и планировала. И хорошо, что ей заранее удалось испортить забор-сетку, которым огораживалась площадка. Это ей подсказал её друг. Последний год она чаще слышала его голос в своей голове, такой приглушённый, но всегда ясно излагавший свои мысли. Как и в прошлый раз, он сказал ей, что надо сделать, чтобы план осуществился.

Она ненавидела «этих». Считала их творениями Ада. Она также знала, что многие, как она, страдали из-за «этих». Однако, никто не хотел что-либо предпринимать. Её направил друг. Он открыл ей глаза. До этого момента она даже не представляла, каким великим злом было то, что творили «эти». Спустя полгода, основательно всё решив, она приготовилась. Вместе со своим другом они придумала план, который поможет человечеству остановить нашествие «этих». Действовать нужно сообща, и она верила, что остальные скоро примкнут к ней. К ним. И первый шаг сделали именно они.

«Эти» спали. В такие моменты они не представляли угрозы, и она была почти спокойна. Существовала другая опас-

ность – хозяева «этих» могли заметить её и поднять тревогу. Друг заверил её, что они этого не сделают по одной причине. И этой причиной был сон. Когда становилось темно, «эти» и их хозяева отправлялись на боковую. Обычно, все так поступали. Даже она. Но сегодня у неё есть одно очень важное дело. Точнее, у них. Она была уверена, что всё получится. Ноги устало ныли, руки дрожали, но она старалась не обращать на это внимания. Когда тебе за шестьдесят, плохо получается терпеть боль и усталость, но выбора не было.

Выходя из дома, она подумала и о собаках. Несомненно, это милые животные, и у неё даже когда-то было одно такое. А здесь собаки будут чужими. «Если они бросятся на меня, – думала она, – то я не справлюсь с ними». Если начнут лаять, хозяева сразу проснутся, тут же разбудят «этих» и настигнут её. Тогда всему конец. Она постаралась отмахнуться от этой мысли и подумать о лучшем. С другой стороны, её друг всегда оказывался прав. Значит и на этот раз всё будет хорошо.

Тишина. Прислонившись к стене здания, она выдохнула и перевела дыхание. Первая часть пути пройдена.

– Путь свободен, – слышала она голос своего друга. – Ты можешь спокойно передохнуть, и примемся за дело.

Она кивнула в ответ. Да, правильно, надо отдохнуть. Между тем, она вытащила увесистую сумку из-за спины и запустила туда руку. Инструменты были на месте. Она даже успела забыть про них, пока кралась в темноте по площадке. Сначала надо разобраться с «этими», которые находились внут-

ри. Их больше. Потом с теми, что расположились на улице под открытым небом.

Взяв маленький острый металлический предмет, похожий на иглу с загнутым кончиком, она использовала его на дверном замке. Что-то щёлкнуло, и она поняла, что дверь можно открывать. Перед тем как войти, немного опасливо, она, всё же, взглянула в сторону «этих», что находились на улице. Они не шевелились. Просто расположились ровными рядами по площадке, покрытые мраком. Яркими искорками на их боках серебрились отблески света большой улицы, от чего вид у них был зловещим.

– Пора, – голос напомнил о времени, – надо торопиться, чтобы всё успеть.

– Хорошо, – кивнула она. – Мне нравится видеть их такими беспомощными.

Она вошла. Картина внутри мало отличалась от картины снаружи. «Эти» также не шевелились, но она обнаружила, что здесь их больше, чем на улице. И все они были беззащитны! Чувство триумфа росло в ней, победа точно за ними. Мелкими шажками она двинулась вдоль левой стены, снова запустив руку в сумку. Теперь, когда картина стала полной, она легче ориентировалась во времени, а действовала быстрее.

– Мы всё успеем сделать за двадцать минут, – прошептала она. – И раз тут так тихо, значит, никто не ожидал нашего появления.

– Это нам на руку, – согласился её друг. – После этой ночи у них будет меньше возможности навредить нам. Надо было сделать это давным-давно, но с другой стороны, лучше быть более подготовленным и аккуратным.

Она продвигалась осторожно, стараясь не задевать бока «этих». Ведь, если это случится, то они тут же проснутся, включится сирена, и прибегут их хозяева. Виртуозно работая инструментами, она то откручивала, то отламывала мелкие части от «этих». Одни назывались, как она помнила, антеннами, другие – зеркалами. Хотя, на самом деле, это ей опять подсказал её друг. Насколько она была в нём уверена? На все сто процентов! Ведь, он был её наставником. Тем, кто направлял и помогал во всём. Если ей не удавалось отломить какую-либо часть от «этих», она просто использовала нож, чтобы испортить им «ноги». На дырявых колёсах далеко не уедешь. И это, опять же, способствовало их успеху.

Шаг за шагом, её сумка становилась тяжелее. Наконец она поняла, что уже ничего не сможет положить в неё. Она остановилась и посмотрела по сторонам. Всё! Они достаточно потрудились, чтобы человечество могло вздохнуть спокойно. По крайней мере, на какое-то время. Теперь оставалось лишь обойти «этих» снаружи. Всё шло по расписанию. Даже время.

– Мы молодцы, – её друг, казалось, говорил слишком тихо, когда можно было ликовать. – Мы с тобой молодцы! Ты – молодец! Всё удалось, и теперь остаётся лишь вернуться до-

мой и отдохнуть.

— Это точно, — она, как всегда, кивнула в ответ. — Я чувствую, что мне нужен отдых. Ты знаешь, мои ноги... что-то они совсем ватные... И плечо... оно снова болит.

— Я знаю... потерпи немного, мы почти закончили, — ответ был сухим, как рис в чашке японца.

Она вновь кивнула и, поправив ремень сумки на плече, начала медленно продвигаться к выходу. Покончив с остальными уже на улице, она направилась в сторону дома, оставляя позади себя парковочную площадку и крытый гараж, где все «эти», так и не проснувшись, только что лишились важных частей для своей жизнедеятельности или получили другие повреждения...

2. союз

В день, когда её выписывали из больницы, заключение передавал не её врач. Он просто вручил конверт с бумагой внутри и вслух сказал, что двухнедельное наблюдение в клинике не принесло плодов. Также, он передал направление для другого врача в психиатрической лечебнице, своего партнёра, который мог заняться её случаем. Не в его силах было решение её проблемы. «Вашей проблемы», так он сказал. Ещё он предупредил, что, если она не придёт на приём к тому врачу через три дня, он будет вынужден обратиться в милицию. Но, она считала себя здоровой. НОРМАЛЬ-

НОЙ. Наоборот, все вокруг были нездоровыми. Ей казалось, что только она видела перемены вокруг. Всё менялось, и, как она считала, не в лучшую сторону. Она видела боязливых, полумёртвых и больных людей, грязный и тяжёлый воздух, быстро растущее количество машин, что засоряли атмосферу выхлопными газами. Она называла их «эти». Те росли в количестве, как рис на полях после обильных дождей. Людей столько не было! Это настоящее вторжение в расу. И опять же, почему-то только она всё это замечала. Будто других всё устраивало.

Дома её никто не ждал. Семьи у неё не было, лишь тараканы да мухи правили балом в её чахлой квартире. Эта компания устраивала её. Также, как и то, что она решила изменить мир вокруг себя и принести пользу людям. Сколько лет она наблюдала за размножением «этих», не имея представления об истинной цели их появления, ошибочно считая это «прогрессом»? Сколько месяцев она говорила себе, что так не должно быть и сколько раз в этом убеждалась?

Долгие размышления породили в ней огромную любовь к человечеству. Она не ожидала такого, но, всё же, это случилось. И, будучи одним из представителей своего вида, она решила проложить свой путь в борьбе. Именно в тот период у неё и появился друг. Она не заметила, как, но его голос стал всё чаще звучать в её голове. Он внимательно выслушивал её рассуждения о происходящем, все опасения и сомнения, и делал определённые выводы, которые невозможно

было не принять. Она удивлялась его реакции, где-то даже противоречивой. Но, лишь в начале. Потом поняла, что их объединяет общий дух и стремление к лучшему. Он даже добавил, что сам когда-то пострадал от «этих», и это потрясло её до глубины души. У неё была давняя подруга, её же возраста, и та тоже стала жертвой «этих». Совсем недавно, пару месяцев назад. Но, боль утраты близкого человека не проходит быстро и легко. Она это знала. И ещё многие другие моменты указывали на то, что «эти» распустились. Это и заставило поторопиться её в своих планах.

По четвергам, в районе, где она жила, работал небольшой рынок. Там можно было найти всё, что угодно. В частности, она собиралась приобрести большую сумку, которую смогла бы нести на плече, и кое-какие инструменты. Она представляла, что узнав её, продавец мог спросить, зачем всё это. Ответ был простым – большой ремонт дома, некуда складывать старую обувь. И на следующий день она направилась туда.

3. последний шаг

Вопреки всем правилам, свет на перекрёстке внезапно изменился на красный, и она оказалась прямо посередине дороги. Плечо невыносимо болело, и ноги уже перестали слушаться. С большим трудом она удерживала равновесие. До дома оставалось совсем немного, и она начала сомневать-

ся в своих силах. Чтобы как-то укрепнуть духом, она начала считать шаги. Её друг делал то же самое: вначале его голос был довольно твёрд и чётко, но затем стал удаляться и гаснуть. Всё дальше и тише.

Когда она услышала визг покрышек по асфальту и почувствовала запах жжёной резины, голос её друга уже исчез. Как ей показалось, его последние слова, которые она услышала в своей голове, были «Самурай не плачет!» Но, к чему это было сказано? Она не знала, а уменьшающееся количество шагов приближало её к дому.

Преодолевая боль в плече, она повернула голову влево и увидела мчавшегося на неё одного из «этих». Он неуклюже вилял и, гневно оскалившись, впился в неё огнём своих ярких глаз. Из-под его ног клубился едкий дым, а бока так же, как и у тех, что были на стоянке, блестели хромом в свете уличных фонарей. Как лезвие меча, рассекающее воздух, перед тем, как обрушиться на голову врага, автомобиль стремительно приближался к ней.

Она сделала ещё шаг и успела подсчитать, что в этот момент до дома оставалось всего сто пятьдесят пять шагов...

Три-четыре

Один...

Это когда он вышел из дома. Как всегда по привычке, рано утром. И, как всегда, зимой бывает довольно холодно после того, как выпадает снег. Особенно если с ветром. Рано утром для него – это пять с половиной часов, как раз тогда, когда люди только просыпаются и начинают собираться на свои работы. В это время на улице ещё мало машин и потому довольно спокойно.

Его ждали. И ему нужно было торопиться, так как от этого зависели «жизни». Точнее не столько жизни, сколько состояние тех, кто, по его мнению, зависел от него.

Вооружившись метлой, небольшим мешочком с песком и тряпочками, он направился к центральному парку, который считался самым тихим и красивым местом в городе. Другого такого уголка не было, поэтому, опять же, он считал себя очень нужным. Да, все правильно, он – очень нужная фигура в городе, хоть и не все об этом знают. И его труд, несомненно, приносил огромную и неоценимую пользу.

Его обожателями были деревья в парке. И благодаря ему же, у них были свои имена и свои дни рождения. Сколько бы он ни жил на этом свете, получилось так, что он застал «рождение» практически каждого дерева, отчего считал, что

имеет полное право быть их заботливым отцом. Может быть даже и потому, что сам когда-то сажал большинство из них. Те, что случайным образом появлялись без его ведома, он приравнивал к самостоятельному взращиванию и просто начинал также заботиться о молодых, как и о старых.

Вход в парк был уже открыт, хотя обычно закрывался с двух сторон, чтобы по ночам там не могли собираться и ночевать не только бомжи, но и какие-нибудь подростки-наркоманы. Видимо, Кузьмич встал сегодня раньше обычного, раз ему не пришлось делать пару кругов вокруг, прежде чем он смог бы войти. Обычно – хотя в принципе никогда – Кузьмича он не видел, он просто слышал от других, что смотритель парка – злобный дед, который постоянно кого-нибудь да гонял от ворот, пугая своей старенькой берданкой. Наверное, у него было разрешение на хранение и использование оружия, раз он тут до сих пор работает. С другой стороны, как же ему без ружья, если эти молокососы вытворяют сейчас всё, что угодно. Просто страшно становится. А благодаря Кузьмичу в этот парк всё ещё могут приходить нормальные люди.

Он вошёл...

Красота!

Все деревья были такими красивыми, такими стройными, такими... беззащитными. И вот он, так же, как и вчера, пришёл к ним, чтобы метлой стряхнуть снег с их станов и ветвей, посыпать песком у корневища, чтобы им стало теплее,

и обмотать их «ноги» тряпочками. Когда стоят такие холода, как последние три зимы, лучше быть согретым.

Два...

Это когда он узнал, что не один такой особенный и полезный. До сегодняшнего дня для него всё было очевидно – его работу не может делать никто, кроме него самого, потому что больше просто некому. Точнее, не столько именно его работу, как похожую по смыслу.

Он увидел фигуру, которая приближалась с противоположной стороны парка. Она то выходила на аллею, то отходила на её край, к ограде. Растерявшись, он стоял рядом с одним из самых старых деревьев по имени Пётр и просто не знал, что ему делать. Что это был за человек, кто он?

Сложив недовязанные тряпочки и оставшийся песок к себе в сумку, он прислонил её вместе с метлой к Петру и медленно пошёл в сторону наглого незнакомца, наблюдая, как тот снова отошёл к ограде.

Заметив приближение какого-то старика, незнакомец вышел на аллею. Кто бы это мог быть? Для утренней прогулки ещё довольно рано, как, впрочем, и для пробежки... Ему стало интересно, и он решил поставить пока свой рюкзак на снег ещё не прочищенной тропинки.

– Что ты тут делаешь? – спросил старик у незнакомца.

– То же, что и ты, – был ответ. Незнакомец наблюдал, как

старик молчал и смотрел за его спину, в сторону, откуда тот пришёл.

– Что это у тебя за рюкзак? – вновь спросил старик, сделав короткий шаг вперёд.

– Мой, – коротко ответил незнакомец и тоже сделал шаг вперёд, преграждая старику дорогу.

– Я вижу, но что в нём? – старик не отступал. – Что там у тебя?

– То, что нужно, – незнакомец ответил коротко, давая понять старику, что тот слишком много хочет знать. У него не было на это права. Сам-то он что здесь делает с метлой и ещё более увесистой сумкой, чем его рюкзак? Лицом на дворника он не похож. Так, как его сюда пропустили? Старикам вообще по утрам спать нужно!

– Как тебя зовут? – продолжал старик.

– Егор, – ответил незнакомец. Он выглядел ненамного моложе старика, но считал, что был крепче и духом, и телом в отличие от последнего.

– Меня – Прохор, – ответил старик и протянул руку. Егор пожал её спустя некоторое время, ибо сомневался, стоит ли ему это делать. С другой стороны, старик выглядел вполне безобидно. Просто обычный старик, который чем-то недоволен в данный момент, как и все подобные ему.

– Я не ожидал, что в такой ранний час здесь может быть кто-то ещё, кроме меня, – продолжал Прохор. – У меня тут каждое утро своего рода прогулка с пользой. Но не для себя,

я забочусь вот о них, – и он обвёл руками деревья. – Мало кто здесь бывает по утрам с пользой. Ты понимаешь меня?

– Да, конечно, – кивнул Егор. – Но и я тоже не просто так здесь. В южном парке я бываю чаще, но вчера подумал, что ведь есть и другой парк, где мне тоже надо быть в таком случае. В моём случае. Я тоже, вроде как, совершаю полезную прогулку, пока все ещё спят, и никто не мешает...

Прохор удивлённо посмотрел на того.

– Полезная прогулка?

– Да, верно.

– Ты можешь мне рассказать, что именно за прогулка?

– Тогда, я думаю, мы можем присесть и выпить горячего чая, – предложил Егор, поднимая со снега рюкзак. – У меня тут термос, на двоих хватит. Согреемся.

– Спасибо, с большим удовольствием, – ответил Прохор, уже счищая снег рукавицей со скамейки.

Три...

Это когда они решили, что их благие намерения, всё же, совпадают. Выпив по кружке горячего чая, они согрелись.

– Вот, смотри, – сказал Егор и достал из рюкзака одну маленькую, тоненькую дощечку с выжженной на ней надписью «СПАСИБО».

– Что это? – спросил Прохор.

– Это то, что я делаю, – ответил Егор. – Так я говорю

за деревья, что люди не пилят их на дрова. Деревьям, как и нам всем, нужно жить и дышать. Иначе, умрут не только они, но и все остальные земные твари. Ведь, в своём существовании деревья молчаливы и не могут ничего сказать в ответ на людские деяния, не так ли?

– Да, точно, – кивнул Прохор.

– Я обхожу южный парк каждый вечер, иногда даже по два раза, – Егор отхлебнул ещё чаю и почувствовал, что ему стало намного лучше от того, что он нашёл единомышленника. Это внезапное обстоятельство также наполнило теплотой и его душу. – Иногда кто-то да срывает мои таблички, но в большинстве случаев они остаются нетронутыми. Я знаю, какими люди стали в последние годы, но отрадно, что, всё же, остались отдельные личности, которые имеют ещё здравый рассудок.

– Да, – кивнул Прохор. – Я вижу, что не столько люди больше сейчас страдают, сколько всё вокруг них. Деревья совсем беззащитны, я их знаю. Они мне сказали. Давно... И теперь я стараюсь помочь им. Я посыпаю их «ноги» песком и кутаю в тряпки, ещё сбиваю снег с веток, чтобы им лучше дышалось.

– Понимаю, – теперь кивал Егор.

По улице проехал первый трамвай, и через несколько минут автобус. Видимо, люди окончательно проснулись и отправились на свои работы. Со стороны, откуда пришёл Прохор, слышалась снегоуборочная лопата – это Кузьмич при-

нялся расчищать тропинки. Скоро он дойдёт уже и до них.
Допив чай Егора, оба встали. Прохор оглянулся назад.
– Мне надо закончить свою работу, пока Кузьмич не смёл все мои пожитки в канаву.
– Хорошо, мне тоже, – улыбнулся Егор.
– Буду рад снова видеть тебя, Егор, – сказал добрым тоном Прохор. – Если у меня получится, может быть, зайду к тебе в гости завтра вечером.
– Добре, – кивнул Егор, – с удовольствием покажу тебе красоту, которую я сберёг. – И они разошлись в разные стороны.

Четыре...

Это когда так станет лучше для всех. Просидев какое-то время на заснеженной скамейке, они оба остались довольны встречей и тем, что, придя в парк каждый со своим очень важным делом, начали ещё один день правильно. Они были уверены, что этот день не будет омрачён опасными помыслами и злыми деяниями других, потому что творимое ими добро не позволит такому случиться.

Разделив завтрак Прохора, они вдыхали утренний, морозный воздух с особенным удовольствием. Словно, находились очень далеко отсюда, где-нибудь на раскалённом пляже с погружёнными в прохладную морскую воду ногами. Хотя на самом деле, даже не представляли, что такое пляж и как

туда попасть... Но может и там был «кто-то», кому пригодилась бы их забота. Ведь, когда одно дело делается совместными усилиями, толка получается больше.

Муза

Он был один, когда ОНА пришла к нему. Станным было то, что ЕЁ появления он ждал так долго, но сейчас даже не понимал, рад ли он? Он был в плохом состоянии и, как заметил, за последние полтора месяца сильно устал от душевных мук. Противоречия, обида, невысказанное мнение и чувство несправедливости душили его изнутри. И это, конечно же, сказывалось на всём, что он делал. Нормальный сон превратился для него в несбыточную мечту.

Он поднял глаза к небу, чтобы лучше почувствовать себя, в надежде, что ЕЁ приход даст понять, что он всё ещё жив. Что он всё ещё может выполнить свою работу. Он чувствовал, будто иссяк, как колодец воды во время засухи. Увял, как цветок, забытый в пустой вазе...

Почему ОНА не пришла раньше?

ОНА продолжала стоять рядом с его соломенным креслом, в котором он сидел на террасе своего летнего домика. ОНА ждала его одобрения и участия, ЕЙ требовалось понять, что всё это не зря: не зря, что ОНА здесь, не зря, что ОНА всё же нужна, чтобы помочь... Он молчал, продолжая смотреть в глубокую небесную даль. Но ведь там он тоже не сможет найти ответ, что ему делать. Так почему бы просто не сказать ЕЙ «Привет»?!

Он опустил голову и вздохнул. Видимо, что-то вспомнилось, потому что он усмехнулся. Она слегка улыбнулась тоже.

– Да уж, – прошептал он вслух. – Интересно получилось. Но ничего, обо мне ещё вспомнят.

Откинувшись на спинку кресла, он закрыл глаза. Подумал, что всё же нужно собраться с мыслями и написать эту статью. В ту же секунду Она поняла, что наконец-то неловкое и продолжительное молчание в Её адрес прервалось. Хорошо, теперь оставалось лишь заняться делом. Она нужна ему, это важно для него. Расправив свои платья, Она подошла ближе к его креслу и наклонилась к его уху. Нежно, мягко прошептала ему:

– У нас всё получится, обязательно, можешь не сомневаться.

И он понял, что у него родилась идея, как сделать на бумаге так, чтобы о нём сразу и надолго заговорили те, кому будет адресована его статья.

Ему говорили, что он всё делает не так, и он видел, как атмосфера в офисе относительно его персоны сильно менялась. Тому причиной была его работа. Он прекрасно понимал, что все только и делают, что игнорируют её, считая её неправильной и ссылаясь на другие источники, что, мол, эта информация не та, и тебе следует обратиться за консультацией в отдел новостей... Бред! Кому виднее, что информация имеет значение и несёт в себе верный смысл – тем, кто

лишь тычет пальцем в другие отделы?! За последние два года он обратил внимание на его незначимость для окружающих внутри компании. Опять же, каким-то образом, он стал для всех просто человеком с пустой головой. Одним из большинства, у кого в голове лишь мусор. Отношение к нему стало посредственным и даже в какой-то мере оно совсем пропало. С самого начала его слушали, но с течением времени, видимо, он перестал иметь значение. Хуже всего было то, что его статьи перестали появляться в журналах и газетах. Он выполнял свою работу каждый день в полном объёме, однако результата не видел. Он как будто писал в пустоту, откуда ничего не возвращалось...

Иметь значение – это важно. И теперь, когда оно пропало, он мог потерять работу. Как выяснилось, это не заняло много времени. В конце месяца ему выдали расчёт и даже не сказали спасибо...

Ох уж эта «Эйч-Пи»! Какая интересная компания, раз уж её умные продукты пользовались большим спросом!!! Если ОНА не ошибалась, эта некая квадратненькая коробочка с откидной крышкой, на внутренней стороне которой был цветной экран с красно-бело-синими окошками разной величины, а на другой половине – кнопки с буквами и цифрами, называлась «ноутбук».

И, соответственно, ОНА также заметила, что эта коробочка абсолютно не смущала его. Он просто сидел и, слегка на-

певая что-то себе под нос, быстро нажимал кнопки и смотрел в экран. ОНА видела такую коробочку у одной женщины, которая с её помощью доставала разноцветные фотографии. Люди – они такие непонятные!

Когда он решил немного отдохнуть и сварить себе крепкий кофе, ОНА заглянула в экран и пробежала по тексту, который он печатал. Хорошо получилось, отличная работа. По большей части, ОНА была горда собой. Как всегда. Но, тем не менее, он тоже хорош, справился, хотя могло получиться и лучше. Он молодец!

ОНА отошла от стола, за которым он работал, и прошлась по комнате. Сделала несколько па, покружилась, пританцовывая. ЕЙ нравилось быть собой. Кто-то, наоборот, мечтал стать кем-то другим или жить чужой жизнью, но ОНА была именно той, кем ЕЙ хотелось быть всегда: чтобы вдохновлять, помогать, сопутствовать и направлять; чтобы идти в бой и брать крепость штурмом; чтобы выступить против великана и сразить его; чтобы написать статью и заткнуть всех за пояс. Это ЕЁ работа – самое интересное, что только может существовать в этом и других мирах.

ОНА продолжала кружиться по залу, когда он вернулся с кофе и сел за стол, чтобы ещё раз всё прочитать. Пока он читал, ОНА проплывала мимо него, слегка касаясь его волос и макушки. Платья шелестели по полу, их лёгкое шуршание рождало мягкую, еле слышную музыку. И он, как будто тоже её услышав, начал что-то напевать и раскачивать головой

в такт. ОНА вновь слегка улыбнулась, видя, как человек распрямил плечи. Всё хорошо.

– Ну вот, – прошептал он в монитор, – сейчас мы выйдем в Интернет и отправим тебя куда следует.

ОНА заинтересовалась – что такое «Интернет»? Остановилась, подошла к нему. Где-то внутри «ноутбука» что-то тихонько запищало, и ОНА увидела, как на экране появилось новое окно с другими картинками. Он сосредоточенно работал ещё минут пять и затем удовлетворённо закрыл крышку «ноутбука» и выдохнул.

– Вот так. Читайте!

И все прочитали. ОНА сразу узнала об этом.

В больших городах новости расходятся быстро, иногда даже слишком быстро. И ОНА ещё была с ним, когда на второй день после отправки статьи, прервав его очередной шедевр на половине, к нему приехали люди в синей форме с бляхами на груди и зачитали его права.

В тот же момент ОНА услышала новый голос. Сейчас ОНА была нужна кому-то ещё. ЕЁ ждали в другом месте, и ОНА, не раздумывая, поспешила туда, зная, что ЕЁ работа – вдохновение.

Проз-3-заик

(Почти народный фольклор)

Вот так и получается: когда хочешь что-то сказать быстро, у тебя ничего не получается. Ты понимаешь, что это у тебя не получается, и в то же время видишь, как на тебя с испугом и удивлением смотрят «собеседники». Это заставляет тебя сильно нервничать, отчего тем более сказать что-то, что ты уже и так собирался сказать последние десять минут, вообще не получается. Нечленораздельные звуки, доносящиеся из твоего рта, окончательно лишают людей веры услышать хоть одно нормальное слово, и поэтому ты начинаешь краснеть, подкашливать, издавать свистящие звуки и что-то подобное для того, чтобы частично разрядить атмосферу, частично оправдать самого себя – не расходитесь, мол, я же стараюсь!

Если бы Вашим кругом общения были два старых приятеля, с которыми Вы учились в школе и которым не тяжело Вас терпеть, если бы имели тонкую творческую натуру и не любили телевизор, то чем бы Вы занимались? Вероятно, Вы могли бы писать. Стихи или что-нибудь ещё. Не так ли?! Хотя, кто знает...

Когда спрашивают, как меня зовут, я просто предлагаю прочитать мою карточку. Сначала на меня смотрят с лёгким удивлением, потом смотрят на карточку, начиная читать.

– Никодим Афросин, писатель-прозаик, – читают они. Потом чуть ниже читают те самые две строчки, которые обычно и приводят в замешательство не только по поводу того, как же такое возможно, но и что мне это удаётся.

Эти две строчки звучат так:

– Если Вы думаете, что заики не способны писать бестселлеры, Вы глубоко заблуждаетесь.

Претензионное заявление, самоуверенное. Но правдивое.

На обратной стороне карточки отображены мои координаты места нахождения и номера телефонов. Я сделал их сам, просто обратился с письмом в одну небольшую компанию, и они изготовили мне несколько сотен визитных карточек. Зачастую мне приходится сталкиваться с тем, что меня не могут понять, но, конечно, я понимаю, что это в первую очередь связано с моей речью. Что делать, в глубине души меня это тоже сильно раздражает и, в каком-то смысле, унижает морально. Однако с течением времени, я как-то смог научить себя не обращать на это много внимания, всё равно ничего изменить нельзя. Мои голосовые связки уже не восстановить, а, если и возможно такое, то всё равно я не уверен в надёжности операций, также как и в долгосрочности.

Пока мне не удалось наладить свою жизнь путём прозы, я

не находил себе места. Меня угнетало то, что люди с годами становились всё хуже и злее. Не то чтобы я ими питался, как мясом, нет, просто я имею в виду, что современные люди уже не помогут бабушке перейти улицу на светофоре, а пионеры не только побьют тебя и заберут все деньги, но ещё и смогут развести пионерский костёр из твоего дома.

Да, всё изменилось. Сначала мне не представлялось возможным вообще что-то произносить. Когда я понял, что мне это уже не удастся должным образом, я, соответственно, был повержен. Люди в первое время шарахались от меня в сторону, потом я заметил, что моё окружение, которое было для меня больше, чем семья, стало потихоньку таять. Как снег в солнечный день. И в итоге, таяние не заняло много времени. Спустя три месяца после того, как меня выписали из больницы, кроме моих двух школьных друзей вокруг никого не осталось. В основном, они-то и помогли мне начать всё сначала. Они открыли для меня вторую жизнь, как банку со шпротами, в хорошем смысле слова. А первое время, так сказать общения, мне, конечно же, не хватало уверенности, что удастся чётко и понятно излагать свои мысли или просто вести пустой разговор. Это же так приятно – без усталости болтать языком!

* * *

Когда у меня был полёт, я смог написать и продать четы-

ре книги, благодаря которым приобрёл широкую аудиторию и достаточную степень известности. Меньше, чем за год мне удалось проложить новый курс своей жизни в очень хорошем направлении. Не знаю, как так получилось, может просто повезло, но я перестал задавать себе вопросы. В итоге, неожиданно для самого себя я понял, что изменился не только мой внутренний мир. Постепенно я научился справляться со своей речевой проблемой, и вскоре совсем забыл про неё. Я начал жить между строк – среди тех, кто мне был интересен и в таких условиях, которые мне были интересны. Приятели с нетерпением ожидали мои свежие работы, хоть я и не был уверен, что они им могли понравиться. Но вышло именно так, и это хорошо.

Но, конечно, была ещё одна деталь, которая и портила всю малину. Спустя какое-то время, может два или три месяца назад, после того, как две мои новые книги поимели успех, я обнаружил, что меня начали посещать странные сновидения наяву. Хотя, я бы с этим поспорил, так как сновидений наяву не бывает. Тогда остаётся, что мне это снилось. Я превращался в героев каждого из моих произведений, что написал, и видел себя во сне на просторах выдуманных мной историй, творящим беспорядки и разрушения вместо обычного образа жизни, героических подвигов или преодоления трудностей в погоне за сокровищами. В них я просто ходил и крушил всё подряд, направо и налево безжалостно убивал людей, также всех подряд, и так далее и так далее. Просы-

паясь в своей кровати от крика, покрытый холодным потом и дрожащий, как кролик перед смертью, я озирался по сторонам своей спальни и один и тот же вопрос слетал с моих губ: что за чертовщина?!

* * *

Мои друзья посоветовали немного отдохнуть. Что я и сделал. Но когда я вернулся к письму, ночные кошмары вновь стали преследовать меня. На какое-то время я потерял сон, не мог более выносить сие, но продержался лишь четыре дня. И на четвертый силы совсем покинули меня. Если кофе как-то ещё удерживал меня в состоянии обычного рационального мышления, то в последний день моего бессонного квеста реальность переплелась со сновидениями, и я чуть не потерял рассудок.

Я обнаружил, что во время работы над книгой, словно, целиком исчезал из нашего мира, всецело ощущая себя за его пределами. Каждая клетка моего тела чувствовала, как я делал то или это, мышцы сводило спазмом, и моё сознание ощущало сильное влияние чужеродной среды. Тогда мне подумалось, что это уже перебор, и я решил окончательно прекратить писать. Да только в одном из моих «путешествий» какой-то старик пригрозил мне пальцем. Так ехидно покашливая, скрипучим голосом он сказал:

– Н-н-ник-к-уда т-ты н-не ден-н-н-нешьс-ся!

Невероятно! Мне угрожал персонаж моего собственного кошмара. Хорошее дело. Только этого и не хватало. Но откуда я мог знать наверняка, что старик не шутил? Или, что он был реален? Или я слишком много себе понапридумывал? Позже я заметил, что при общении с друзьями – мы стали чаще встречаться, чтобы они хоть как-то помогли мне не сойти с ума – я вновь начал заикаться. Я стал малость раздражителен, что сказывалось на моём поведении и отношении к вещам. На что мне также указали друзья. Что-то происходило со мной, но что – никто не знал. Хотя, может, только врачи могли сказать что-либо внятное, но для меня это был последний шаг, на который я бы отважился лишь в самом конце.

– М-мы т-те-б-бя выл-ле-ч-ч-им, – как-то практически в ухо мне прошептал чей-то голос. – Н-н-не п-п-пе-р-еж-и-в-а-а-й!

Откинув покрывало, я опять сидел на кровати в холодном поту. Был ли это голос того старика или чей-то другой, я так и не понял, но тон и ехидство мурашками пробирали до костей. И что означало «вылечим»? Относилось ли это к моему заиканию или имелось в виду другое? Например, помощь в чём-то грядущем? Сомнительно, сильно походило на предупреждение. С другой стороны, может тот, кому принадлежал голос, не умел говорить иначе, или, к примеру, это могло быть моё уставшее подсознание, которому было известно больше, чем мне... Я не знал и потому начал бояться.

* * *

Когда состоялась презентация моей очередной книги-сборника, народу пришло больше, чем в последний раз. И, если я правильно подсчитал, после того прошло уже прилично времени. Всё было великолепно устроено. Мой агент, как всегда, отлично постаралась, и той же ночью после окончания презентации я послал ей бутылочку эксклюзивного шампанского, огромную коробку нежного шоколада и шикарный букет цветов. Мои друзья также были приглашены, специально для них я сделал особые VIP-пропуска. Мы стояли и беседовали, когда в холл вошла она. Я узнал эту женщину сразу, потому что слышал о ней много лестного и следит за её творчеством. Афия. Афия Белова, так её звали. Даже, если это был её псевдоним, мне было всё равно. Она считалась одной из успешных писательниц прозы на протяжении последних пяти лет, и вот она здесь. Для меня это было, как снег на голову, но чертовски показательно. И тут я испугался. Мне бы хотелось обсудить с ней тонкости нашей профессии, определённые приёмы, обороты и характеры персонажей, да и просто поговорить по душам. Но не знал, как это сделать с моей речевой проблемой. Друзья подталкивали в бок, так как знали мои мысли. Наконец, я собрался с духом и пошёл. Как мальчишка. Как школьник, испытывающий трепет при мысли о понравившейся ему девочке, кото-

рую он хотел бы пригласить в кино.

— М-м-м, — начал я издалека, когда подошёл к ней и неуверенно кивнул головой в знак приветствия. — М-меня з-зовут-т... — но она меня оборвала. Лоб покрылся испариной, и я уже готов был провалиться сквозь землю от стеснения.

— Я-я з-з-знаю, к-как В-вас з-з-зовут, — улыбнулась мне она. — И В-вы, в-вер-роят-тно, т-также з-знает-те, к-как з-зовут м-меня.

Я не нашёлся с ответом, поэтому просто пожал плечами. Так мы и познакомились. Для меня было удивлением обнаружить, что она заикалась тоже. Но с другой стороны, ей это как-то шло, по сравнению со мной. Я даже подумал, что без этой речевой проблемы она не была бы сама собой. Как знать?

После мы много беседовали о нашем общем ремесле, и она не переставала удивлять меня своими трюками, простыми и очевидными приёмами в использовании сложных оборотов, да и самими работами. Для себя я в очередной раз решил пока остановить процесс письма, мне нужно было избавиться от кошмаров. И целых четыре месяца я спал спокойно, даже днём со мной ничего необъяснимого не происходило. Окружающая реальность была настоящей, никаких странных вещей не наблюдалось, голоса в моей голове молчали, и никто не шептал в ухо своим раздражающим голосом.

Я спрашивал себя, что же нас объединило, хотя ответ был

очевидным – проза. А, если бы я не писал, смогла бы она так же легко разговаривать со мной и смеяться? Тоже вопрос. Но в то же время, я прекрасно понимал, что никакого вопроса и не было. Ей так хотелось, и всё. Если бы не хотелось, мы бы и не встречались.

* * *

Её интерес к моим работам радовал меня. Нашёл родственную душу. Я был счастлив. Она много расспрашивала о том, где я черпаю вдохновение, как я праздную победы, насколько тесно общаюсь с моими друзьями и так далее. Я ей всё рассказывал.

Но в какой-то день, точнее ночь – или у меня опять всё перепуталось, – реальность вновь провалилась у меня под ногами, и я увидел того самого старика со скрипучим голосом. Только на этот раз он не заикался.

– Она тебя обманет, дружище. Но ты можешь не беспокоиться, у нас уже есть план, как тебя выручить, – сказал он.

И опять тот же липкий холодный пот по всему телу. Сердце бьётся, как загнанная птица. Кроме этого, до того, как старик появился и произнёс эти странные слова, я опять бродил злым по незнакомому городу и убивал всех подряд.

Что за дела? Мне это порядком надоело, я был напуган возвращением прежних кошмаров, понимая, что ничего так и не помогло – ни снотворное, ни успокоительные, ни зна-

комство с возлюбленной. Я задумался о разрешении этой вернувшейся проблемы всерьёз и начал строить определённые планы по полному её искоренению. Я приготовил необходимые вещи и настроился морально, чтобы лечь на какое-то время в больницу. Однако, всё это мне не пригодилось, потому что однажды ко мне пришёл один из моих друзей и с тревожным видом сообщил ужасную новость, которая повергла меня в глубокий шок.

Дело в том, что он нашёл странную информацию о моей Афи. За ней тянулась очень подозрительная ниточка, одна из тех, что указывает на невменяемость человека. Такая, которая говорила, что Афия «психически не уравновешена». И ещё кровавый след – убийство трёх писателей, которых я знал когда-то. Они также были отменными мастерами своего дела, но о них я давно ничего не слышал. И они, конечно же, писали прозу.

Я спросил его, откуда он это узнал. Он просто ответил, что у него зародились сомнения в отношении успеха Афии и её заинтересованности моей персоной. Его также беспокоило и моё глубокое увлечение ею. Поэтому он решил кое-что для себя проверить, обратившись к своим авторитетным друзьям. И всё это не было бы так подозрительно, если бы... Ответ практически сразу возник у меня в голове словами, сказанными всё тем же скрипучим голосом:

– Потому что ты для неё конкурент!

Боже! Такая мысль никогда не посещала меня по одной

простой причине – я просто ослеп от любви собственной или был намеренно влюблён вопреки здравому смыслу, с определённой целью. Мир перевернулся для меня с ног на голову. Про себя же я подумал, что окончательно сошёл с ума.

* * *

Хотел бы я сказать, что всё-таки отправился на лечение, но не могу. В больницу я не лёг, так как меня посадили в тюрьму по обвинению в убийстве Афии Беловой. Мои руки оказались в крови. Так сказал судья, когда зачитывал приговор. Он сделал сильный акцент на том, что только варвар или чудовище, а не человек, мог совершить подобное. Но самым паршивым в этой ситуации было то, что на момент совершения убийства у меня не было алиби. Я абсолютно ничего не помню: где я находился, был ли один, что делал – хотя я со страхом догадывался, – что пил и так далее. Пока я сидел на скамье подсудимых, моя голова жестоко болела, а реальность перед глазами то разрывалась, окружая меня странными образами и какими-то томными звуками, то возвращалась к прежнему виду, с человеческими лицами и обычными запахами. Мне было ужасно плохо. Даже в своё оправдание я не смог ничего сказать – речь у меня пропала вовсе.

Лязг металлической, тяжёлой двери камеры и щелчок замка на ней сопровождал тихий, улетающий вдаль скрипучий голос:

– Молодец, ты сделал это, теперь можешь спать спокойно...но...

Мимо

Никто никогда не знал, о чём он мог думать. Лицо часто выражало множество эмоций одновременно и всячески менялось, иногда даже пугая. Взрослые его опасались, а детям он дарил незабываемую радость встречи. Его рейтинг среди детей в возрасте от четырёх с половиной до десяти лет был очень высоким. Он это знал наверняка, хотя конкретных цифр и не ведал, но вокруг него всегда собиралось большое количество маленьких людей.

– Интересно, а он по-настоящему?! – часто до его слуха доносился вопрос, который дети восторженно задавали своим мамам и папам, когда семьи приходили в парк, где он обычно стоял по восемь часов ежедневно.

– Конечно я по-настоящему! – думал он про себя. Но, всё равно, родители старались быстрее увести своих чад подальше от его места. Ведь, неизвестно, что у этого мима на уме в данный момент, правда? Вдруг он сейчас возьмёт да и подскочит к ребёнку, чем сильно его напугает...

– Единственное, ради чего мне имеет смысл делать всё это – так только маленькие человечки, – каждое утро говорил он своему отражению в зеркале. – Не забывай, мой друг,

дети – новое поколение этой планеты. Всё только ради них.

Да, всё так. Именно им предстоит дальше заботиться о Земле, именно им открывается дорога в будущее. Они должны знать, что в жизни всегда есть место для радости, что бы ни случилось. А искренний смех и хорошее настроение помогут сделать планету ещё чище.

– Во благо нового поколения! – говорил он себе. – Жизнь! Но мимо меня самого...

На короткое мгновение накатывала грусть, но вскоре он собирал остатки воли в кулак и, одеваясь, допивал большую чашку остывшего чая, чтобы после этого сразу выйти из дома.

Конечно, на счёт проходящей мимо жизни можно поспорить. Хотел он этого или нет, отрицал или игнорировал, но он всё равно являлся её частью. Какой бы ущербной она ни казалась. Он смиренно принял все тяготы и принёс себя в жертву во благо нового поколения. Ну и что, что ему часто приходилось голодать из-за отсутствия денег? Он смог найти для себя занятие, точнее, *благородную миссию*, и ему чаще стало перепадать на хлеб. Всегда приходится чем-то жертвовать. Главное, чтобы дети улыбались.

К сожалению, не все родители одобряли его стремления и понимали своими умишками, что он делал. Несколько раз к нему возвращались напыщенные отцы некоторых детей и предлагали перестать морочить их чадам головы.

– Ты, на самом деле, пугаешь детей! – довольно громко,

почти крича, как-то сказал ему в лицо один папаша. — Иди на завод, работать, не ломай моему сыну и другим психику. Если увижу тебя тут в следующий раз, пеняй на себя!

Но он никуда не уходил, и к нему после этого никто больше не возвращался. А он не пенял на себя...

Он улыбался, когда это было в его планах или, как будто, плакал. Корчил смешные гримасы, коротко пританцовывал и хлопал в ладоши, то внезапно застывая, как статуя, то внезапно хватаясь за обе коленки в полуприседе. Дети это обожали. Зачастую они громко и наперебой выкрикивали названия, гадая, что он им хочет «сказать». Но большую часть времени он всё же стоял, не шевелясь, имитируя что-то или кого-то. Это было довольно сложно. Даже сложнее, чем заниматься жертвоприношением. Они же не знают, каково ему, да им этого и не нужно знать.

Главное, чтобы дети улыбались.

Он не имел права нарушать волшебное мгновение и не мог допустить, чтобы они узнали, что он зачарованно наблюдает за ними, понимая, как им это нравится. Они не хотят, чтобы их праздник испортился, и он тоже не хочет этого. Более того, на его лице не должна отражаться душевная боль, ведь на празднике нет места грусти. Для чего им знать, что его суточная норма еды составляет одну тарелку

борща и два куска хлеба, а сон – пять часов? Это не важно, он как-нибудь с этим разберётся, ведь разбирался целую последнюю жизнь, так? И для них также не важно, что каждый вечер, стоя дома перед кухонной плитой, его не покидали мысли о своём состоянии. Как он научился всё скрывать под маской?! Это восхитительно! И, в то же время, уныло и удручающе: так не может больше продолжаться. С другой стороны, в этом и есть смысл его жизни, поэтому он не может просто снять маску. Не может, потому что тогда некому будет делать то, что делает он – наполнять детские сердца радостью.

Главное, чтобы дети улыбались...

В воскресенье он бесцельно бродил среди павильонов, которые подготавливались для проведения выставки одежды. Таких больших металлических «домов» с огромными стеклянными витражами завезли целый микрорайон. Ему стало интересно, поэтому круг его прогулки сузился и завершился именно тут. Повсюду ходило много народа, что-то озадачено обсуждая и яро жестикулируя. Некоторые жесты он знал, но большинство забыл. Те люди говорили только руками. Он обошёл практически всю отведённую под павильоны площадь, но так и не встретил обычных людей – здесь все пользовались жестами. Ему хотелось узнать, что же именно

будет на этом месте, и как долго. Спросить было не у кого. Лишь позже, на выходе, он заметил большую яркую вывеску: «НОВАЯ ЛЕТНЯЯ КОЛЛЕКЦИЯ 1999!» И под этими словами ещё одна строчка говорила о том, что это выставка работ людей с ограниченными физическими возможностями, и все модели исключительны. Видимо, это было правдой.

Он где-то или от кого-то слышал, что люди, имеющие некоторые физические отклонения или недостатки, хорошо воплощают себя в каких-либо творческих направлениях.

– Но, если уж я – хороший мим, – вдруг подумал он, – не могу же я быть таким же, как и они?

Поразмыслив минуту, он пожал плечами, махнул рукой и пошёл к выходу. Завтра его снова ждала работа, и раз ужина у него не предвиделось, он собрался хорошо отоспаться перед началом новой недели.

– Подождите! – за спиной раздался голос. – Вы же тот мим из парка, да?

Он обернулся, не понимая, откуда взялся этот женский голос, причём, довольно милый.

– Да, верно, – обернувшись, медленно ответил он. – А я думал, что здесь никто ну... как бы это сказать...

– Никто не разговаривает? – продолжила женщина за него. Она была невысокого роста и хрупкого телосложения с изящными чертами лица, в то время как он возвышался над ней на две головы и выглядел сухим древом. – В смысле, не могут физически, от природы, так?

– Ну, в принципе да, – он кивнул. Язык прилип к верхнему нёбу, от чего стало тяжело разговаривать.

– Не переживайте, они ничего не имеют против. Они давно научились жить такими... не похожими на других. К тому же, ничего нельзя не изменить.

Она подошла к нему поближе и протянула руку:

– Мара.

– Очень приятно, – он поднял свою и легонько пожал её. – Эдуард, мим. А Вы?

– Модельер в третьем поколении, – она мягко улыбнулась, чтобы снять напряжение, которое, как она заметила, создавалось у него после слова «поколении». Каким бы профессионалом он ни был, лицо выдавало смущение безошибочно.

Мара склонила голову набок, продолжая изучать мима:

– Не бойтесь, на самом деле, я не такая старая, как Вы могли подумать. Просто все в моём роду были модельерами. Ну и я решила не отставать и также пошла той же дорожкой.

Он кивнул, говоря, что понимает её. На самом деле, понимает. А ей сейчас хотелось, чтобы именно он, мим, услышал её слова и понял их правильно. Так, в принципе, и случилось.

Он открыл для себя новый вид людей, неких добрых самаритян, чьи поступки также приносили в жизнь что-то по-

лезное и нужное, позитивное. Это было похвально, вот так вот всё устроить на широкую ногу и быть полностью уверенным в успехе своего предприятия. Очень похвально!

Он не остался на открытие, но, уходя, пригласил Мару заглянуть к нему в парк, чтобы посмотреть, как он работает. Чтобы у неё была возможность посмотреть и оценить его усилия, чтобы сказать, что его работа действительно не напрасна. Она согласилась на пятницу, которая как раз была его любимым днём недели.

Маленькие человечки вновь удивляли своим любопытством, радостным визгом и неудержимым желанием раскрыть тайну каждой фигуры, которую он изображал. На этот раз даже родители проявляли интерес и делились идеями вместе со своими детьми. Он видел, что все они стали намного добрее с прошлой недели, и ему понравилось своё наблюдение. Что-то изменилось. Изменилось совсем немного, но точно к лучшему, и для него это не осталось незамеченным.

Предоставив возможность разгадать большинство загадок, напоследок он решил усложнить задачу. Он застыл в позе человека, с ожиданием и надеждой смотрящего в подзорную трубу далеко за горизонт, за которым ЖИЗНЬ поражала своим великолепием. Он видел это отчётливо, и хотел, чтобы зрители увидели то же самое. Раскрыв объятия, она уверенно шагала навстречу с улыбкой на лице и теплотой в сердце. Она была полна смысла, ответственности, интересных от-

крытий и приключений для маленьких человечков, которые глядели на мима, открыв рот и затаив дыхание. Сначала они считали секунды, а потом уже минуты, гадая, как долго он может стоять так и ничего не делать...

Никто-мэн

Он знал, что его заберут, поэтому постоянно носил чемодан с вещами с собой. Он ждал. Несмотря на то, что прошло уже много дней, уверенность не оставляла его. Тогда он много читал о людях, за которыми приходили сверху и увозили в небо на ярких шарах, как победителей свирепых гладиаторских боёв. Наверняка, это были какие-то избранные люди. Избранные, видимо, за свои выдающиеся поступки. Он тоже считал себя избранным. И одна лишь мысль о том, что он не такой, как все, уже приближала его к звёздам.

Ему часто давали денег. Просто так. Какие-то добрые люди. Он мог стоять на улице, прислонившись спиной к стене, а те могли подойти и дать денег. Странные люди. Но время пришло, и он будет скучать по ним, когда, наконец, взмоет ввысь, окутанный светом. С другой стороны, были и злые люди, которые причиняли одну лишь боль не только ему. Поэтому каждый день, который проходил более или менее спокойно, он расценивал как везение.

Ещё ему приходилось много ходить. В первую очередь потому, что он не знал, где именно и когда может появиться шар. Во вторую – боялся, что его не заметят. Это была уникальная возможность начать новую жизнь, и не хотелось её упускать. Как и человек искусства, он тоже был в поиске...

Когда он понял, что стоять на одном месте уже не имело

смысла и больше никто не подкинет мелочи на еду, он поднял с земли чемодан и шляпу с деньгами, собираясь пройти дальше по улице. В этот момент к нему подошёл человек неопрятного вида и тихо спросил его:

– Ты уже купил билет? Говорят, что следующий рейс через два дня.

Он замер. Что это был за человек, который стоял перед ним сейчас? И про какой билет он говорил?

– Простите, – переспросил он, – что Вы имеете в виду?

– Я знаю, что у «них» есть расписание, определённые дни в году, четыре раза. Но три раза уже прошли, я не успел, – человек погрузился и опустил глаза. – Боюсь, что и на этот раз не успею. Но тебе советую поторопиться, так как вижу, что ты уже собран. Я думаю, ты можешь успеть.

– Успеть куда? – спросил он. – Какой билет?

– Яркий шар! – человек заглянул ему в лицо, вскинув седые брови. – Ты же хочешь, чтобы тебя забрали, иначе не носил бы этот дурацкий чемодан с вещами, не так ли?

– Но... откуда Вы знаете?

– Не говори мне «Вы», пожалуйста, сделай одолжение, – человек повернулся полубоком и взглянул на небо. – Я знаю, потому что хотел того же, что и ты... и все остальные... Мы одинаковы, но везёт не всем. Билет необходим. Я слышал, что без него тебя не пропустят.

– Разве для этого нужен билет? – он был ошарашен.

– А как же?

– Но...

– Тебе надо попасть на перекрёсток у булочной «Смак», – человек поднял палец, обрывая его вопрос. – Там есть один газетный киоск, у которого сидит милая старушка и торгует семечками. Её зовут МА. Она всё тебе расскажет.

Он смотрел на человека, а мир начал бешено вращаться вокруг него. Билет для того, чтобы его забрали! Как билет на автобус, только немного по-другому. Беспокойство разрасталось в нём – вдруг ему не хватит денег на билет? Их и так у него не было. Тогда он останется здесь и снова будет ждать! Может, он недостаточно ждал или он недостаточно особенный, чтобы быть избранным?

– Как тебя зовут? – спросил человек.

– У меня нет имени, – ответил он, – или я просто забыл его...

– Хм, – понимая, вздохнул человек, – у меня тоже нет имени или я просто забыл его... Странно, да?

– Да.

– Что ж, пусть тебе повезёт больше, чем мне, – сказал человек, похлопав его по плечу, и грустно двинулся в сторону подземки.

Он долго провожал его взглядом, пока силуэт не растворился в толпе людей, которые куда-то спешили и были заняты. Полезная информация могла оказаться для него губительной, но без неё он попал бы впросак. Но шанс на лучшее всё равно оставался. Теперь он знал, когда будет следующий

рейс, и оставалось найти место, где находился киоск.

Булочную он нашёл быстро, но киоск, как сквозь землю провалился. Он в упор его не видел. Здесь располагалось много самодельных лотков, с которых продавалась разная ерунда. Кому она нужна вообще? Стоя точно на перекрестке и вертя головой по сторонам, он вдруг услышал хриплый голос у себя за спиной:

– Если ты ищешь МА, то вон она, сидит слева у стены, видишь?

Он оглянулся на стоящего позади него коротышку – мужчину, чем-то похожего на воробья. Тон его одежды был светло-коричневым с жёлто-белыми, чёрными и красноватыми полосками. Как оперение у птицы. А шляпа, что сидела на его маленькой голове, говорила о том, что этот человек представлял себя аристократом. Глазки сильно прищурены, плечи, приподнятые вверх, скрывали шею, отчего казалось, что её вообще нет. Но он понял, что здесь подвоха не было. Просто человек так выглядел. К тому же, он приветливо улыбался. Может, у него было отличное настроение не только в этот день, а всегда.

– Удивлён? – спросил воробей-коротышка.

– Немного, – признался он.

– Интересно, кто тебе напел про нас с МА? – коротышка подошёл к нему вплотную. – Не бойся, всё в порядке, просто мне хотелось бы уточнить – тебе тоже нужен билет?

– Вы знаете, похоже, что да.

– Ну что ж, пойдём, – воробей, будто, пожал плечами, – спросим у МА.

Они перешли на другую сторону улицы и направились к булочной. Только тогда он и увидел, что рядом находится маленький газетный киоск, а рядом с ним, совсем с краю, расположились небольшой столик со стульчиком, за которым сидела очень пожилая женщина и продавала семечки. Он глубоко вздохнул, крепче сжав ручку чемодана в руках. Сейчас решиться его будущее.

– МА, вот ещё один ищущий, – пропел воробей-коротышка, как только они подошли к старухе.

– Предлагаешь помочь ему, как последнему пассажиру в этом году? – в ответ спросила она.

– Думаю, да. Он славный малый, мне понравился сразу, – коротышка, улыбаясь, присвистнул. Видимо, у него действительно всегда хорошее настроение.

– Проходите, юноша, присядьте здесь, – старуха выдвинула из-под столика ещё один маленький стульчик и указала на него рукой.

– Спасибо, – ответил он и присел рядом. Воробей махнул рукой, понимая, что разговор будет долгим, и пошёл обратно на другую сторону дороги.

Из разговора он понял, что этот билет даёт право на перелёт в одну сторону. И самое главное, такой билет был у старухи. Оставалось решить вопрос о деньгах. Он мысленно прикинул, сколько ему удалось «заработать» за сегодня

и последние три дня. Выходило около двадцати трёх, может, немногим больше. Но он всё равно боялся, что вся его неповторимость и «избранность» сейчас не будут стоять и двух. Что может сказать старуха такого, чтобы обрадовать его?

– Билет стоит двадцать два! – коротко бросила она.

Он подумал о звёздах. Они такие величественные и манящие! А там, в вышине, они ещё более прекрасны. Похоже, здесь, на Земле, его дорога заканчивается. Значит, ему надо просто покупать билет. Он ждал, когда его заберут, но сейчас ему предлагают билет. Это почти одно и то же. Его поиски подошли к концу, пора отправляться в путь.

– Хорошо, – спокойно ответил он, понимая, что теперь у него не оставалось денег.

– Тогда по рукам, – улыбнулась старуха и полезла куда-то под стол. Присмотревшись, он увидел, что там находился маленький сундучок. «У неё всё маленькое!» – заметил он про себя. Старуха ловко открыла его и принялась шарить в нём рукой, а он полез в карман за деньгами. Вскоре, она уже смотрела на него, положив на стол тетрадный листок в клетку с начёрканными на нём какими-то словами. Насколько он помнил, этот клочок бумаги не был похож ни на один вид билетов. Любых билетов, даже в кино. Старуха уже считала его деньги, а он вопросительно смотрел на неё.

– Что-то не так? – спросила она, заметив его изумление.

– Да, – ответил он. – Это точно билет?

– Точнее не бывает, юноша, – утвердительно кивнула ста-

руха и убрала деньги в сундук.

– Но почему он... такой?

– Какой «такой»? – Старуха непонимающе глядела на него. – Что ты хочешь сказать?

– Ну... я думал, билеты выглядят иначе...

– Нет, неправильно ты думал, – старуха под села к нему поближе и ткнула пальцем в небо. – Подумай сам, откуда «там» бумага? И как ты думаешь, могут ли «они» писать по-нашему? Мы же давно всё это видим и всё знаем. Скольким людям, таким как ты, мы уже помогли – не счесть! «Они» сами обращаются к нам за помощью. Чтобы мы под диктовку писали такие билеты и распространяли их. Мы на работе, понимаешь?

– Но, почему Вы тогда ещё здесь? Неужели не хотите, чтоб и Вас забрали?

– Мне-то зачем? – старуха пожала плечами. – Знаешь, сколько мне лет? Ты даже сосчитать не сможешь. А я и по-давно сбилась со счёта. – Она захихикала как-то хрипло и немного по-мужски.

– Вероятно, Вы правы, – он почти шептал. Потом взял билет, чтобы прочитать, что там было написано.

Это был мятый, самый обычный тетрадный листок. Слова написаны ручкой, паста слегка размазана на краях. Он обнаружил много ошибок и сделал вывод, что писал человек, который ни дня не учился в школе. Но, всё же, это был билет. И по словам МА, самый настоящий. Он поднял взгляд

на старуху, та достала термос и налила себе чая.

– Будешь? – поинтересовалась она.

– Нет, спасибо, – он покачал головой. – Тут не написано место отбытия.

– Да, странно, – заглянув в листок, она слегка удивилась. – Это старый ипподром. Десять часов утра, послезавтра.

– Хорошо.

– Удачного полёта, юноша, – старушка, мягко улыбнувшись, пожала ему руку.

– Спасибо, – он встал, собираясь уходить, как увидел воробья, который шёл к ним с женщиной и ребёнком лет четырёх-пяти.

– МА, у нас ещё остались билеты? – запыхавшись, спросил воробей-коротышка, как только они подошли к ним.

– К сожалению, нет, – она развела руками.

Печальные лица женщины и её ребёнка застыли в мольбе. Он взгляделся в эти лица, и ему стало их жаль. Этот ребёнок не должен страдать в таком жестоком мире, он заслуживал большего.

– Возьмите этот, – неожиданно для себя сказал он, обращаясь к женщине.

– Я денег не возвращаю, юноша, – тут же предупредила старуха.

– Это не важно, – ответил он, – главное, чтобы наши дети были счастливы.

Женщина долго его благодарила. Он кивал. Потом они

ушли. Он смотрел им вслед какое-то время, затем повернулся к старухе и коротышке.

– Всего хорошего, – пожелал он и, подхватив свой чемодан, направился к подземному переходу.

Уже вечером, сидя в парке на скамейке, он жевал бутерброд, купленный на оставшиеся деньги. Смотрел на небо и ждал, когда, наконец, стемнеет настолько, чтобы можно было увидеть звёзды... Прекрасные звёзды.

Послезавтра он пришёл на ипподром, чтобы взглядом проводить тех, кому на этот раз повезло быть избранными, и мысленно пожелать им доброго пути. Единственное, погода выдалась ужасной – шёл сильный дождь, и он основательно промок. Но стена воды не помешала ему увидеть, как в небе сверкнул большой яркий шар, проносясь по всему небосводу и прячась в тучах. Он скрылся быстро, с оглушительным грохотом, похожим на раскаты грома. Обычное дело в грозу – молния, яркая и быстрая. Но он был уверен, что это не так. Во второй половине дня погода наладилась, и остаток дня он провёл, размышляя о жизни, тут же, сидя на ипподроме, а вечером покинул его, снова возвращаясь в ожидание. И вновь добрые люди окружили его. Они снова давали ему денег, и он снова жалел их.

В проезжающем мимо автобусе маленькая девочка, прильнув к стеклу, улыбнулась ему и приветливо помахала рукой. Он улыбнулся в ответ, поняв, что у него всё ещё есть шанс. Только надо немного подождать...

Я – Весна

(О вольном панке замолвите слово...)

Впервые её заметили в конце мая, в городском парке, где обычно гуляло много народа, и особенно молодёжи. К всеобщему удивлению, последняя вела себя довольно прилично: никто не бросал мусор в озеро, а нецензурные слова не слетали ни с чьих губ. Её называли ВЕСНОЙ, хотя на самом деле у неё было другое имя, которым она почему-то не пользовалась.

Её компанией была группа «добрых панков» из десяти человек, в число которых входила и она сама. ВЕСНА была самой молодой из всех, и в эту компанию её привела подруга. Отсутствие конкретных планов на жизнь и вольные просторы безграничного мира сыграли в её судьбе решающую роль. Она выбрала свой путь и нисколько об этом не жалела. Учёба в престижных университетах и высшая степень образования не привлекали её так, как это делала свобода. Даже родители, готовые пойти на всё, что угодно, не смогли уговорить ВЕСНУ принять другое решение – её невозможно было переубедить. Первое время они как-то старались направить её, но вскоре оставили безнадежные попытки. Что делать?

– Всё, чтобы ты была счастлива! – сказала её мать, а отец добавил:

– Ты, детка, только не заходи слишком далеко. И помни,

что мы тебя любим!

ВЕСНА не зашла. Максимум, что она себе позволяла, так это немного пирсинга и поцелуи при луне. Ещё ей удалось сохранить лёгкий румянец на щёках, который держался в любое время года. Она, как будто, «вырастила» его самостоятельно, а он, в свою очередь, придавал ей большей красоты и детской невинности. А носить широкие мешковатые брюки и кеды, пёстрые футболки и воздушную шаль поверх плеч, экспериментировать с причёсками – было её любимым занятием. Конечно, когда становилось холодно осенью и, особенно, зимой, она надевала пальто и не снимала его, пока не наступала весна. А её настоящее имя было София.

* * *

Когда её семья в очередной раз перебралась в другой город, ВЕСНА поняла, что больше уже не выдержит мотаний с места на места, которые родители называли «переездами». Серьёзно поговорив с отцом на эту тему, ей удалось убедить его решить этот вопрос с начальством на работе, которое постоянно посылало его в командировки, заставляя при этом перевозить с собой всю семью. Растущий и, казалось бы, неокрепший молодой организм, у которого началась завершающая стадия формирования, не мог приспособиться к такому. Ей давно хотелось завести постоянных друзей, к кото-

рым не пришлось бы идти в гости за тысячи километров. Так и случилось. Наконец-то они остановились и начали новую жизнь в небольшом городке, который стал для них последним в бесконечной череде переездов. ВЕСНА была счастлива.

Именно в этот период времени её стремление к размеренной жизни, и поиск самой себя пребывали на пике. И так получилось, что ей позвонила подруга – по случайному стечению обстоятельств она со своими родителями переехала в тот же город – и позвала на встречу к своим друзьям.

– Они много путешествуют и сейчас тоже остановились здесь, – сказала ей Эвелина. – Это для них самое прекрасное место для весны. Они здесь бывают каждый год, весь сезон, и даже немного дольше.

– А что за друзья? – спросила она.

– «Добрые панки», – ответила та. – Ты их полюбишь, они все очень милые, я знакома с ними уже больше, чем живу на этом свете, – на той стороне провода послышался не менее добрый смех, чем могли бы быть эти «панки».

– Хорошо! – согласилась ВЕСНА.

И тем же вечером они с Эвелиной уже сидели у костра в компании молодых парней и девушек, и вместе с ними пели мелодичные песни под гитару. Вдвоём они стали парой, дополнившей эту десятку «добрых панков».

Она что-то напевала себе под нос. Было видно, что её губы слегка шевелились, а голова покачивалась в стороны. Её походка была легка и наполнена любовью. Казалось, что ВЕСНА плывёт над землёй, как если бы она была облаком. Брюки покрывали её кеды до самой земли, поднимая едва уловимую весеннюю пыль. Две футболки, одетые одна на другую, были ярких красок, как раз таких, какие сейчас окружали её. А открытый плоский живот украшали блёстки солнца в двух маленьких золотых колечках с крошечными рубинами, которые мягко прокалывали её пупок. Лёгкая плетёная сумка весело покачивалась у неё на левом боку, говоря о том, что она не наполнена камнями, которыми она могла бы бросаться в голубей или уток на озере. Все могли бы сказать, что она пуста, или в ней лежит только косметичка. Но там была не она. В какой-то момент ВЕСНА запустила туда руку и вынула флейту. Продолжая что-то напевать, она облизнула губы и приложила её к ним. Звонкий мелодичный тон разнёсся над поляной, все прислушались, повернув головы в её сторону. Не обращая ни на кого внимания, она плыла в завораживающем танце и выпускала в воздух ноту за нотой.

У первого клёна она остановилась и опустила флейту. Две девушки смотрели на неё снизу вверх.

– Привет, вам, сёстры, – проворковала она, как бы боясь потревожить воздух над ними. – Как ваше настроение?

– Привет, – ответили те, вытянув шеи и продолжая смот-

реть на неё с изумлением. – Настроение отличное.

– Не хотите загадать желание? – спросила ВЕСНА и, опустив руку в сумку, вынула оттуда две ярко-зелёные фенечки с красными переплетениями.

– Да, очень, – одна из девушек улыбнулась. «Интересно, что это такое?» – подумала вторая.

– Загадайте каждая по желанию и протяните мне свои руки, – ВЕСНА присела рядом с ними на траву. От земли приятно пахло цветами, а солнце ласково смотрело на них с неба.

ВЕСНА очень аккуратно и любя затянула на их запястьях феньки: обе из ниток. Потом посмотрела девушкам прямо глаза:

– Скоро всё сбудется, лишь только не срезайте их.

– То есть, совсем? – спросила вторая девушка.

– Да, в этом их суть, – кивнула ВЕСНА и встала.

– А что мы тебе должны взамен? – спросила первая девушка.

– Послушать несколько коротких нот, – ВЕСНА улыбнулась. Улыбкой, которая заставила девушек слегка ахнуть от удивления, негромко, почти про себя, но она заметила это.

Первые нотки вспорхнули над поляной, как бабочки. Они закружились в воздухе и почти сразу же растаяли в нём, уступая место коротким трелям. Краем глаза, она заметила, как отдыхающие вокруг люди привстали со своих мест, чтобы лучше услышать, как мелодия будет звучать целиком.

Она вновь улыбнулась и, не разжимая губ, доиграла мелодию до конца. Минута первой мелодии закончилась быстро, а ВЕСНА сказала:

– А теперь для тебя, – и мягким кивком головы указала на вторую девушку.

Ноты вновь поплыли над поляной, но на этот раз принадлежавшие уже другой мелодии. Для двух девушек ВЕСНА сыграла разные и, когда закончила, наклонилась ближе к ним, чтобы прошептать еле слышным шёпотом:

– Тысяча девятьсот восемьдесят семь, тысяча девятьсот восемьдесят восемь...

Девушки раскрыли рты. Что это было, они так и не поняли, а спросить не решились. Не только потому, чтобы не прерывать волшебный момент, но и потому, что им ВЕСНА всё равно бы не сказала. Это была её тайна, они поняли это без слов. Девушки улыбнулись в ответ:

– Волшебно, спасибо!

– На здоровье! – ответила им ВЕСНА и, кивнув головой в знак прощания, пошла дальше по поляне.

* * *

Угли в костре начали потихоньку таять, и им пришлось подкинуть ещё немного веток. Время близилось к пяти часам утра, и у костра остались только София и Денниц. Он был родоначальником их компании, можно сказать, вождём,

кто некогда собрал всех вместе для высшей цели.

Чтобы согреться, Денниц вытащил из палатки два тёплых пледа, один из которых отдал ей. Она кивнула, в то же время, подумав, почему бы не пойти спать. Но ей хотелось, чтобы это знакомство и первая встреча не закончились так банально – Денниц ей понравился, таких интересных парней она не встречала никогда. К тому же, ей было очень интересно, почему и что заставило компанию «добрых панков» избрать именно такой удел – путь, который также выбрала и она. ВЕСНА видела в них родственные души и чувствовала, что все они были одного поля ягоды.

– Почему ты такой? – спросила она.

– Какой? – он отодвинул гитару и уложил её голову к себе на плечо.

– Пилигрим.

– Я думаю, для меня этот путь был предопределён. И, когда пришло время, я смог присесть здесь около костра с тобой, – он улыбнулся. Свет от медленно тлеющих головёшек пробежал по его лицу, отгоняя причудливые тени в пустоту.

– Я понимаю, я такая же.

– Хорошо, – кивнул он. – Мне нравится, что наша компания растёт, я думаю, мы можем помочь людям любить и себя, и окружающих, и природу.

– Я надеюсь, что у нас получится, – прошептала она.

– Единственное, что вам с Эвелиной нужно сделать, чтобы мы вместе окончательно стали одним целым – это прой-

ти экзамен, – от его мягкого голоса у неё по спине побежали мурашки. Экзамен, так экзамен. ВЕСНА была абсолютно уверена, что им не составит труда пройти его. А мурашки ей понравились, она даже захотела, чтобы те пробежали ещё раз.

– Расскажи мне, – попросила она.

– Чтобы не погибнуть во зле, людям нужна помощь. И один из возможных путей сделать это – вернуть или заново взрастить их веру в добро, – начал Денниц. – Ведь добро бывает разным: кто-то что-то дарит кому-то, а кто-то старается помочь кому-то путём обещаний, которые, в принципе, потом выполняет. Кто-то поддерживает словом или делом. А мы хотим, чтобы люди стали ещё добрее, поэтому мягко и с любовью от чистого сердца мы предлагаем людям загадывать самим себе желания, завязывая на их руках феньки. Тем самым, мы предлагаем им выбор того хорошего для самих себя, что может быть абсолютным. Чем потом они смогли бы поделиться со своими друзьями или другими людьми. Добро умножается, растёт и его становится больше. Не важно, что они потом выкинут эти феньки, дело в их сути. Они работают. Ну и, когда нам бывают нужны деньги на различные вещи, мы устраиваем небольшие платные концерты. Ты, кстати, играешь на каком-нибудь музыкальном инструменте?

– Да, – ответила она. – На флейте.

– Отлично! Нам как раз был нужен флейтист, – он улыбнулся и, хихикнув, посмотрел на неё. – Флейтистка, если хо-

чешь.

Она хихикнула тоже, по-весеннему. Потом повернула голову к нему, собираясь сказать что-то, но он остановил её, мягко опустив пальцы руки на губы.

– Я назову тебя ВЕСНА! – он зачарованно смотрел на неё. В этот момент на небе начали медленно таять звёзды, а горизонт на востоке окрашивался в светло-голубой цвет. – Если ты не против?!

– Нет, не против, – она опустила голову, улыбаясь своим мыслям. Он был хорошим парнем, оставалось только пройти экзамен, а всё остальное она уже нашла. – Так что нам делать?

– У нас есть много плетёных фенечек, – он вздохнул так, как будто собирался прыгнуть в угасающие угли костра. – Мы плетём их с Розой, моей сестрой. В основном, только мы, но иногда её парень, Кир, помогает нам в этом. Просто так случилось, что больше никто пока не научился столь серьёзному и ответственному делу. А я, если правильно помню, сплёл свою первую феньку ещё в восьмом классе.

– Да ты просто Фенькин Мастер! – тихо рассмеялась она, прижав ладонь к губам, чтобы смех не вырвался наружу и не разбудил всех остальных.

– Да, так и зови меня! – отшутился он.

Они ещё немного похихикали, потом успокоились и посмотрели друг на друга.

– В каком году ты родилась? – спросил он.

– В 1988, не так давно...

– Но ты выглядишь старше, – он склонил голову набок. – А задание таково – вам с Эвелиной нужно будет повязать столько фенек, какого вы года рождения. То есть, тебе, уж извини... – и он, как бы виновато, исподлобья взглянул на неё. А ВЕСНА продолжила:

– ...нужно повязать тысячу девятьсот восемьдесят восемь, так?

– Совершенно верно, – Денниц немного поёжился, и ей пришлось приподнять голову, чтобы ему это удалось. – И ещё, мы, как бы музыкой, прикрепляем желание к феньке. Любым инструментом, на котором ты играешь. В твоём случае, это удобнее, чем мне с гитарой – в том смысле, что флейта меньше.

ВЕСНА вновь улыбнулась, потом спросила:

– Ты не устал?

– Немного... кажется, у меня затекла спина... – с удивлением прошептал он, пытаясь повернуться хотя бы на несколько градусов. – Да, так и есть.

– Пойдём в палатку, – она сначала привстала, давая ногам вспомнить, как держать вес, потом выпрямилась и подала руку Денницу. Он крепко и в то же время мягко, ухватился за неё.

– Спасибо.

– На здоровье! – ответила ВЕСНА и, опустив глаза на мгновение, вновь подняла их. Денницу они показались

бездонными, как океан, и совсем другими. Далеко не теми, какими были, когда они только присели у костра. В них словно что-то вспыхнуло, взгляд изменился, и его сердце затрепетало. – Пошли, мы ещё успеем немного вздремнуть, – прошептала она, увлекая его за собой.

* * *

Она стояла на небольшом холмике, на восточной стороне поляны...

И, возвышаясь над ней, видела, как с противоположной стороны к ней шла её подруга. Люди, что до сих пор не могли отвести от неё взгляда, всё ещё ожидали продолжения волшебных нот её флейты. Но она просто стояла, убрав ту обратно в сумку. ВЕСНА торжествовала – все феньки нашли своих обладателей. И ещё она радовалась за себя. Ведь теперь в этом мире добра станет больше, а, если Эвелина скажет, что и её тысяча девятьсот восемьдесят семь фенек тоже повязаны, будет ещё радостнее.

Зачарованные люди, изредка перешёптываясь, продолжали поглощать её глазами. В этом шёпоте ВЕСНА слышала нечто вроде «сыграла бы она ещё разок», «я такого никогда не слышал». Почему бы и не сыграть?! Ведь душа пела.

Когда Эвелина приблизилась к ней достаточно близко, чтобы можно было разобрать слова, ВЕСНА обратилась к подруге:

– Как у тебя дела? Не хочешь поиграть на публику?!

– У меня всё в порядке, я пуста! – ответила та, улыбаясь. –

А поиграть – с удовольствием! – Переложив в свою сумку букет полевых цветов, который она собрала, пока шла через поляну, Эвелина вынула оттуда небольшой бубен, перетянутый тюленьей кожей.

И все, кто отдыхал на поляне, поспешили кучнее собираться вокруг девушек, присев на свои покрывала. Чтобы лучше услышать, чтобы больше увидеть, чтобы просто вспомнить, что такое мелодия жизни и ритм сердца...

Минус день

Одиночество совсем не беспокоило его. Он неподвижно сидел в парке на скамейке и смотрел на проходящих мимо людей; играющих на детских площадках детей и их заботливых родителей; пролетающих стаями и поодиночке в небе птиц; лёгкие белые облака, парящие неторопливо. Бескрайняя синева неба и пушистые облака – вот, что наполняет тебя спокойствием, когда ты смотришь вверх. И он был спокоен. Ему некуда было спешить, ему не на что было жаловаться или злиться, его никто не ждал, и у него не было дома. Хотя наверняка он этого не знал, так как просто-напросто ничего не помнил. Он сидел и любовался умиротворённостью, которая его окружала.

Он попытался вспомнить, был ли хоть один день в его жизни, когда он мог остановиться на мгновение и оценить всё великолепие окружающего мира. Конечно же, у него этого не получилось. Как он мог «попытаться вспомнить», когда он даже не знал, как его зовут и где он находится? В голове возникла слабая боль от попытки что-то вспомнить, и он почувствовал лёгкое недомогание. Как будто, что-то кольнуло. Он поднял руку и потёр левый висок. Всё прошло. Лишь на пальцах осталось что-то тёмно-красное от прикосновения. Что это и откуда оно взялось? Он потёр пальцы друг о друга, размазывая полусухую субстанцию и разглядывая

её. Потрогал висок ещё раз. Субстанция покрывала тот целиком и некоторую часть волос. Он перевёл рассеянный взгляд на ладони, они были в пыли и ссадинах. Посмотрел на рукава пиджака, брюки, рубашку. Всё было измято, грязно, местами порвано. Туфли покрыты грязью, шнурки порваны, на одном туфле оторван каблук. Кто же он? Почему в таком виде? Хорошо, что скамейка, на которой он сидел, находилась немного на удалении от тропинок парка, и густые ветви какого-то дерева наполовину скрывали его от окружающих. Так он не сильно бросался в глаза и не привлекал к себе много внимания, когда дети могли бы его испугаться.

Справа от него послышался радостный детский возглас. Он повернул голову. Семья из четырёх человек отдыхала под соседним деревом, спрятавшись в тени от сентябрьского довольно яркого и тёплого солнца. Двое из них играли. Девочка лет шести-семи со своим отцом перебрасывали друг другу яркий цветной мяч, с которым люди обычно играют на пляже. Мама с трёхлетним сыном читали, лёжа на расстеленном одеяле. Он наблюдал за ними и думал про то, что, вероятно, и у него есть семья.

– Папа, смотри, там человек смотрит на нас, – услышал он голос девочки. – Он плохо выглядит. Может быть ему нужна помощь?

– Пойдём вместе спросим его, – ответил папа и, взяв её за руку, сказал женщине с мальчиком на одеяле, что они сейчас вернутся.

«Плохо выглядит, — подумал он. — Да, девочка права, я действительно плохо выгляжу. Вот знать бы ещё, кто я и где нахожусь...»

— Добрый день, — поздоровались с ним мужчина и девочка. — Как Вы себя чувствуете? Вам нужна помощь?

— Я... я не знаю... Здравствуйте, — вяло и неуверенно ответил он.

— Вы знаете, кто Вы?

— Боюсь, что нет.

— А давно Вы здесь находитесь?

— Я не знаю.

— У Вас есть семья? Где Вы живёте?

— Я не знаю. На меня, видимо, напали... Может быть хулиганы... Я ничего не помню...

— Ваша голова в крови, я вызову «скорую», а Вы постарайтесь вспомнить что-нибудь.

Мужчина достал из кармана телефон, набрал номер и попросил девочку вернуться к маме. Она так и сделала, но перед уходом сорвала с земли цветочек и подала ему, пожелав скорее поправиться и найти свою семью.

— Спасибо, — только и ответил он растерянно.

Мужчина долго ждал ответа на звонок. Так всегда случается, когда происходит какая-то чрезвычайная ситуация. Когда он наконец-то начал отвечать на вопросы оператора, на тропинке появился встревоженный молодой человек, который подходил к гуляющим и отдыхающим в тенике людям

и о чём-то их расспрашивал. Довольно скоро он направился уже в их сторону. Присматриваясь, он постепенно ускорял свой шаг и, в конце концов, побежал.

– Папа! – воскликнул молодой человек, бросаясь к нему на шею. – Наконец-то я нашёл тебя. Слава Богу, ты жив! Мы чуть с ума не сошли! – Он обнимал его, хлопал по плечу, целовал в грязную щёку, не обращая внимания на стоявшего рядом мужчину.

– Я вызвал «скорую», они сейчас приедут, – сказал тот, оценивая ситуацию и поведение молодого человека. Это была не игра.

– Большое спасибо, что позвонили им! – молодой человек крепко пожал руку мужчине с телефоном. – Меня зовут Серж, а это мой отец, Пол Джексон. – Его глаза наполнились слезами.

Из разговора между молодым человеком и мужчиной с телефоном он понял, что потерялся один день назад, не дойдя до своего брата. Оказалось, что он навещал того каждый субботний вечер, и они вместе играли в покер под коньяк и сигары. Но в этот раз он не дошёл. Где-то на полпути случилось что-то, отчего он теперь ничего не помнил. Молодой человек смог найти его. Как – непонятно. Но когда сойдут синяки и память вернётся к нему, тот ему обязательно всё расскажет. Ведь он – его сын.

«КПД» или Как поживаешь, дружище?

«КПД (Коэффициент Полезного Действия) – это отношение полезной работы к затраченной энергии. В силу закона сохранения энергии КПД всегда меньше или равен единице, то есть невозможно получить полезной работы больше, чем затрачено энергии».

Учебник по физике, 7 класс

...Уходя, он пожелал мне удачи, и я ответил ему тем же. Моё настроение вновь стало отличным, и я задумался: почему люди не обнимают друг друга каждый день? Ведь, это так просто – от души дарить хорошее настроение и уверенность в себе...

* * *

Я решительно для себя и внезапно для окружающих поднялся со своего рабочего места и направился к кабинету директора. В середине рабочей недели и, особенно, в конце месяца, моё поведение казалось подозрительным даже самому себе. Все в офисе провожали меня долгим встревоженным взглядом, так как моё лицо выглядело напряжённо из-за переполнявших меня эмоций. За спиной я слышал удивлённый

шёпот, похожий на шелест опавших листьев под ногами.

– Можно к Вам? – постучав в приоткрытую дверь, спросил я и заглянул внутрь кабинета.

– Конечно, Николай, – он натянуто улыбнулся и жестом пригласил меня.

Я вошёл и закрыл за собой дверь. Шелест листьев сразу стих.

– Не могли бы Вы сделать мне одолжение? – начал я.

– Да, разумеется, – он поднялся со своего места и, обойдя стол, приготовился выслушать меня.

Я уверенно подошёл к нему и обнял, прижав к себе на короткое время. Затем крепко, по-дружески похлопал по спине, как бы спрашивая: «Как поживаешь, дружище?» И снова, в то же мгновение, почувствовал себя по-хорошему странно. В голове мелькнула мысль, что я похож на вампира, что забирает жизнь у своей жертвы укусом. Я улыбнулся и почувствовал, как моё тело стало лёгким, словно пёрышко, а заряд положительной энергии наполнил меня новыми силами. Однако, моё тело не отправилось в полёт. Напротив, я крепко держался на ногах. В моих венах бурлил вулкан жизни, и я наслаждался этим. Спустя несколько секунд я молча отстранился от него и заботливо поправил его пиджак. Он стоял неподвижно, застыв памятником, и старался понять, что произошло. Потом тихо прокашлялся, пригладил галстук и вернулся за стол. Я занял место в кресле напротив него.

– Что ж, – пробормотал он растерянно, – раз ты первым зашёл ко мне... я постараюсь быть максимально кратким...

Мне показалось, что сообщение не будет связано с тем, что я его обнял и похлопал, как старого друга. Хотя, никто так не поступает со своим начальником, правда? Он собирался с мыслями, нервничал и не знал с чего начать. А мне стало ясно, что кое-что уже случилось. Ещё до того, как я постучал в его дверь.

Тем не менее, меня не покидало странное чувство того, что всё вокруг меня было наполнено спокойствием и гармонией. Ничто не могло вывести меня из равновесия, огорчить или заставить нервничать.

– Дело в том, Николай, что ситуация на рынке выглядит не до конца хорошо для нашей компании, – издалека начал он, но я почти не слушал его. Я уже понял, к чему он клонит, и в данный момент мои мысли сосредоточились на его персоне. Внимание переключилось, и перед собой я увидел не своего начальника, а обычного человека, пусть неприятного вида и со скверным характером. Но каждый из нас вправе вести себя и действовать так, как того требуют разные ситуации, в которые мы попадаем. Важно лишь не превратиться в животное, сохранить человечность и уважение к себе подобным. Даже к таким, как он. Я проникся чувством сострадания к нему, хотя на данный момент, вероятно, жалеть нужно было меня.

– В общем, мне пришлось принять кое-какие меры, кото-

рые, конечно же, меня не радуют... но выбора у меня не было...

– Я понимаю, – кивнул я. Собственно, что тут непонятного? Ложь всегда могла приукрасить ситуацию и снять вину с её хозяина, не так ли?

Наша компания занимается производством школьных принадлежностей. Но, видимо, мне нужно сказать «занималась» и опустить слово «наша». Я был Старшим Менеджером Отдела Сборки пластиковых коробочек для счётных палочек. В моём подчинении находилось пять человек: двое из них были заняты организацией поставок по нашему городу и ещё пяти другим, а трое отвечали за сроки комплектации наборов и разрешение возможных непредвиденных обстоятельств.

– Я могу выдать тебе расчёт сегодня, – почти виновато продолжал он, – и завтра тебе уже не нужно приходить на работу. Также мне пришлось расформировать весь твой отдел...

– Я понимаю, – опять кивнул я.

– Мне очень жаль, но ты же и сам всё прекрасно понимаешь... – говорил он сочувственно, на самом же деле просто оправдываясь перед самим собой. – Бизнес – есть бизнес.

– Да, конечно, – согласился я, пребывая в расслабленном состоянии. В голове я уже строил планы, у меня рождались новые идеи и всплывали в памяти те, до которых не доходили руки на протяжении последних нескольких лет. Все они

неожиданно выстроились в одну прямую линию, и я понял, что открыт для новых горизонтов.

– Николай? – он вдруг обеспокоенно прервал мои размышления.

– Что? – я вопросительно взглянул на него.

– Ты выглядишь... счастливым, – пробормотал он в недоумении.

– Да-да... всё в порядке, – рассеяно ответил я и вновь замолчал. В этот момент мои мысли были далеко за пределами здания, где я сейчас сидел в кресле напротив своего бывшего начальника, который только что уволил меня и весь «мой» отдел.

Он продолжал ещё что-то говорить, но я уже не слушал. Теперь у меня появилось достаточно времени, чтобы заняться чем-то более интересным и полезным. Конечно же, я был слегка обескуражен таким поворотом событий. Как любой человек в подобной ситуации, психологически я не был к нему готов, но в уме отметил, что не ощущал злости или обиды по отношению к его решению. Почему? Неужели от того, что я его обнял?

Какое-то время назад, когда дела позволяли, я посещал занятия по самопознанию и параллельно изучал биохимические реакции человеческого организма. Поэтому я знал, что моё психическое состояние было неестественно позитивным, когда он сообщил мне эту новость. Я пребывал в эйфории и готов был петь. Но петь я не умею и вряд ли уже

научусь.

Поняв, что его никто не слушает, он замолчал, сложил перед собой руки и боязливо посмотрел в мою сторону. А не хватил ли меня удар? Я же видел себя со стороны, как бы его глазами – не моргая и практически не дыша, сижу в кресле, неподвижно и молча...

* * *

День для меня начался «не с той ноги» с самого утра, когда я решил сварить себе утренний кофе. К моему удивлению кофемашина просто отказалась работать. Причиной тому был резкий глухой щелчок, когда я включил её, сноп искр из розетки и запах гари.

– Что за новость? – хмуро буркнул я, понимая, что сегодня остался без утреннего «наркотика». – Что за технический протест?

Мои попытки самостоятельно разобраться с неполадкой ни к чему не привели. «Орешек» оказался мне не по зубам. Эти хитроумные приспособления – кто бы их ни придумал – никогда не хотели со мной сотрудничать. Я оставил машину в покое, нужно было продолжать утренний ритуал. Умылся, собрал кейс на работу, надел новый костюм, включил телефон... Десять пропущенных звонков за ночь. Неужели нельзя было подождать до утра? Я их проигнорировал и вышел из квартиры.

Офис находился на расстоянии получаса беспрепятственной езды от моего дома. Но из-за банальных пробок, я обычно добирался до него за час-полтора. И, соответственно, рассчитывал своё время так, чтобы не опаздывать. Я достаточно пунктуальный человек, поэтому сам не люблю, когда другие опаздывают. Но не только сгоревшая кофе-машина преподнесла мне утренний сюрприз. Я обнаружил, что за ночь кто-то скрутил у моей машины два колеса: переднее левое и правое заднее. Чем был обусловлен именно такой геометрический подход, я никогда не узнаю. И мне ничего другого не оставалось, как поехать на метро. Я вздохнул, в отчаянии развёл руками и, бросив быстрый взгляд на часы, направился к подземному ходу.

– Извини, друг, – услышал я за спиной тяжёлый бас. Обернувшись, я увидел огромных размеров мужчину в спортивной одежде. Про таких говорят «здоровяк». Он стоял за мной в веренице людей, спускающихся на эскалаторе вниз.

– Что-то не так? – удивлённо спросил я.

– Не мог бы ты сделать мне одолжение? – спросил здоровяк и, не дожидаясь ответа, спустился ко мне на ступеньку и придвинулся вплотную. Не успев открыть рот, я был сдавлен его крепкими ручищами. Он обнял меня, прижав к своей груди. Полный возмущения, я уже хотел начать обороняться, но почувствовал, что непосредственной угрозы для меня нет. Он не душил меня и не откручивал голову. Но какое-то

странное чувство охватило меня. Как ни странно, но здоровяк не источал едкий запах пота. Он пах вполне мягким одеколоном или бальзамом после бритья. Я успел заметить его гладкую кожу на скулах. Этот запах удивил меня и возбудил мои рецепторы, которые зазвучали во мне струнами добрых воспоминаний. Внезапно я ощутил, что являюсь частью чего-то большего. Не человеком толпы под землей, а чего-то неземного. Моё тело пронзило множество тонких электрических разрядов, от чего мурашки побежали по всему телу. Энергия наполнила мою кровь, придала уверенности в себе, силы и лёгкости. Спокойствие разлилось в душе, мысли организовались, перестав хаотично вертеться в голове. Убаюкивающая теплота окутала меня, беспокойство отступило и все «дела» теперь казались ничтожными в сравнении со Вселенной. Гемоглобин в крови повысился, и я тут же почувствовал себя безопасно и комфортно. Даже как-то расслабился и воспрянул духом. Понял, что всё, о чём бы я не переживал, в сущности, пустая суэта.

Я машинально обнял его в ответ, слегка неуклюже похлопав по спине. А здоровяк спросил:

– Как поживаешь, дружище?

– Нормально, – ответил я, чувствуя бурлящую энергию во всём теле.

Он тоже похлопал меня по спине. Потом мы отпустили друг друга. Думаю, что в объятиях мы провели не больше минуты, но мне показалось, что прошла целая вечность. Уже

пройдя турникет, я поднял руку в знак прощания, так как он уходил в другую сторону. Здоровяк ответил мне тем же. Какое-то время я ещё стоял на месте, размышляя о том, что произошло, и глядел ему вслед. Потом подошёл поезд, и я вошёл в салон.

Что-то зашекетало меня на поясе, и я не сразу понял, что это был мой телефон, включённый на вибровзвонки. Потребность оставаться на связи всегда и везде, заставила человека хорошо поломать голову, чтобы радиосигнал попал под землю. Но мысли мои парили где-то далеко от всего этого. Я всё ещё «переваривал» встречу со здоровяком.

Мне повезло, что в вагоне людей было не так много. Поэтому я не стал себя упрашивать, чтобы занять одно из свободных кресел. Кейс покоился у меня на коленях, и мне не составило труда запустить руку под пиджак и достать телефон из чехла. Дисплей телефона сообщил, что звонит наш подрядчик, один из тех, кто звонил мне ночью.

– Доброе утро, – приветствовал я его. В тот момент мне хотелось слышать только хорошие новости.

– Доброе утро, – с той стороны голос тоже приветствовал меня. – Только новости у меня не хорошие...

В трубке сразу же появился треск. Насколько я знаю, когда тебе хотят сообщить что-то важное по телефону, бывает именно так – появляются помехи и затем связь пропадает.

– Алло? – я немного повысил голос, надеясь, что он услышит меня. – Я не слышу... Алло?

– Николай... алло? Я хочу сказать... – снова треск прервал моего подрядчика, и мне даже пришлось отодвинуть от уха телефон, чтобы не оглохнуть от последующего резкого и очень громкого писка.

Сеть исчезла, и звонок прервался. Я опустил руку на кейс, ожидая, когда сигнал появится снова. Он должен был перезвонить, вероятно, что-то случилось. Но телефон молчал, а значок антенны скоро вновь стал полным.

Мои размышления и возрастающую тревогу о вероятных неприятностях по работе прервала музыка. Я поднял голову. По сквозному проходу шёл парень с гитарой и губной гармошкой у рта на шейной подставке. Образ американского крестьянина прямиком с иностранного музыкального канала. Несмотря на то, что людей в вагоне было мало, ему приходилось продвигаться с трудом. Кто-то расступался, давая ему пройти, кто-то подтягивал под себя ноги. И он старался двигаться аккуратно, чтобы никого не задеть. Играл он какую-то очень знакомую мелодию. Я постарался припомнить её, но звук губной гармошки сбивал мои мысли. Когда я догадался, что он исполняет, мне стало понятно, почему эта мелодия звучит так необычно: в её оригинальной версии гармошки не было.

Поезд мчался сквозь тьму, освещая фонарями туннель, рельсы и указатели. Некоторые из пассажиров не обращали внимания на парня, они задумчиво изучали темноту, уткнувшись носом в окно, где лишь один за другим мелька-

ли огни. А кое-кто всё же подпевал и опускал мелочь в его висящую на поясе кепку.

Я не подпевал, но мелодия мне нравилась. Его гармошка внесла больше живых нот, и я наслаждался ею. Когда парень проходил мимо меня, я сунул ему целую сотню. По моему мнению, он заслуживал её. Парень посмотрел на меня одобрительно, даже с уважением. Оглядев с головы до ног, кивнул и пошёл дальше по вагону, не переставая играть. Я провожал его взглядом, понимая, что делает он это не от того, что любит играть на гитаре и петь. Сам молодой, почти мой ровесник. Но, в отличие от него, я не умел играть ни на одном музыкальном инструменте, да и голоса у меня не было.

Телефон в моей руке вдруг задрожал, и я взглянул на дисплей. Пришло сообщение от подрядчика, с кем у нас ранее не состоялся телефонный разговор из-за проблем со связью.

– Молодец, – еле слышно сказал я сам себе, – сообразил хоть написать.

То, о чём он хотел мне рассказать, точнее, на что хотел пожаловаться, заключалось в двух предложениях: «Груз встал в порту. Смогу забрать его только завтра, у них там что-то случилось».

– Плохо, – также тихо пробормотал я. – Это совсем не то, чего бы мне сейчас хотелось.

Я задумался над ответом, но решил просто перезвонить ему из офиса, до которого мне оставалось чуть больше пятнадцати минут.

– Извини, приятель, – вдруг рядом с собой услышал я. До меня дошло, что музыка смолкла, и люди совсем притихли. Лишь колёса поезда выстукивали о рельсы свою мелодию. Я поднял голову. Тот парень, музыкант, стоял передо мной. Короткая рыжая борода, длинные рыжие волосы, собранные в хвост на затылке, рыжие брови, голубые глаза, очень светлая кожа, небольшой острый нос. Он смотрел на меня, не моргая и улыбаясь.

– В чём дело? – поинтересовался я, отметив про себя, что эта ситуация мне очень знакома.

– Не мог бы ты сделать мне одолжение? – спросил рыжий, ожидая чего-то. Гитара висела у него уже за спиной, гармошка и складная подставка были убраны в карман джинс, так как на шее их уже не было. – Можешь подняться?

Я кивнул и встал, держась за поручень, прикреплённый одновременно к полу и креслу, на котором я сидел. Люди во круг удивлённо смотрели уже на нас двоих. Рыжий, держась одной рукой за поручень, взял и обнял меня свободной. Рослый и жилистый. Он уверенно притянул меня к себе и ритмично похлопал несколько раз по спине, будто продолжая играть на гитаре. На меня нахлынули почти те же чувства, что и при встрече со здоровяком. Смятение и чувство deja-vu возобладали над моим сознанием, однако беспокойство за наш застрявший груз улеглось. Я почувствовал, как состояние равновесия возвращается. Мне показалось, что сейчас в мире для меня нет никого роднее этого рыжего музыканта.

Такого нового и случайного приятеля, готового в любой момент помочь и даже защитить. Я понял, что меня абсолютно ничего не беспокоит и тоже крепко похлопал его по спине. Мир вокруг замер, и мне некуда было спешить.

– Как поживаешь? – спросил уже я, с улыбкой вспоминая первый «опыт» на эскалаторе.

– Нормально, – ответил рыжий, ослабляя хватку и выпуская меня из объятий. – Спасибо, дружище!

– Пожалуйста, – мы пожали друг другу руки.

– Будь здоров и удачлив! – пожелал он мне и, поправив ремень от гитары, направился к выходу из вагона. Я проводил его взглядом на перрон, потом убрал телефон в чехол и сел. Люди недоумённо наблюдали за нами. Спустя несколько секунд поезд двинулся дальше.

Не смотря на определённые неудобства метро, всё же, это довольно быстрый вид транспорта. Хотя, он именно таким и планировался, так ведь? Гениальное изобретение! На рельсах не бывает пробок, поезд уверенно мчится по своему маршруту и прилично экономит время среднестатистического налогоплательщика. Но лично для меня, самое главное неудобство заключается в том, что метро ходит под землёй. Будучи вполне терпеливым и адекватно оценивая любые риски, я таки не могу заставить себя долго находиться в замкнутых пространствах. Тем более под землёй. Не скажу, что страдаю клаустрофобией или другой фобией, но в таких случаях терпения у меня надолго не хватает. Мне необ-

ходимо иметь достаточное количество свободного пространства вокруг себя, небо над головой и землю под ногами. В данном случае поездка заняла не более пятнадцати минут и не успела испортить мне настроение. Когда я вышел из вагона на своей станции, часы показывали пятнадцать минут девятого утра. У меня оставалось предостаточно времени, чтобы добраться до своего рабочего стола.

Я поднимался на эскалаторе вверх. И опять вспомнился здоровяк и «дружище». Ярким пятном его образ надолго – если не навсегда – останется у меня в памяти. Он мне понравился. На моём лице появилась улыбка. Почему бы и нет? Побольше бы таких людей. Большой добряк в прямом смысле этого слова. Я постоянно вижу хмурые лица, такие яркие – практически никогда. И дело вовсе не в комплекции. Он обладал неким «плюсом», которым просто так поделился со мной. Вероятно, я был далеко не первым. И взять этого музыканта. В нём тоже было что-то. Задумавшись, я не заметил, как странное ощущение после очередного объятия вновь вернулось.

Солнце приветствовало меня на поверхности, ярко блеснув в глаза. Вокруг спешило много народа. До начала рабочего дня оставалось менее часа, и всем нужно было попасть в разные части нашего большого города. Мне предстояло каким-то образом прорваться сквозь прочную стену спешащих людей и перейти на другую сторону улицы, чтобы очутиться у нашего здания. Делов-то! Но сделать первый шаг сквозь

толпу людей я не смог. Что-то больно ткнуло в мою ногу, от чего даже свело скулы. Закусив губу и стараясь держать себя в руках, я повернулся в сторону неожиданной «атаки» и увидел слепую женщину лет пятидесяти. Своей тростью она «ощупывала» дорогу впереди себя.

– Прошу прощения, молодой человек, – виновато, вполголоса, проговорила она. Видимо, по моему прерывистому и тяжёлому дыханию она догадалась, что случайно ткнула в мужчину. Тем не менее, голос у женщины был сильный, и шум толпы не поглотил её слов.

– Ничего страшного, – ответил я, осаждая внутри себя негодование.

– Не могли бы Вы сделать мне одолжение? – спросила женщина. Сжавшись в комок, она неуверенно стояла у края тротуара. Толпа людей и уличный гул мешали ей сосредоточиться, от чего она не решалась двинуться с места. На секунду я представил себя на её месте и, как мне показалось, ощутил всё, что чувствовала она: отчаяние, страх, собственную ничтожность, безысходность. И, может быть, только я один во всей этой человеческой суете понимал какое это мужество – быть такой и жить такой жизнью.

Подойдя к ней поближе, я предложил:

– Давайте помогу Вам!

Она остановила меня жестом, когда я собрался взять её под руку. Молча, протянула руку и опустила её мне на лицо. Она хотела «видеть», кто стоит перед ней.

– Мягкие волосы... короткие, но густые, лоб... высокий, умный значит, – бормотала женщина, мягко ощупывая меня. – Ммм... брови, глаза... большие... прямой нос, губы... полные, уголками вверх... у тебя, должно быть, красивая улыбка. – Она улыбнулась, на секунду задумавшись. – Подбородок... острый, понятно... кожа мягкая... щеки... хм, тебе нужно лучше питаться... а щетина тебе идёт. Только вот морщин много...

– Да... жизнь такая, – сказал я.

– Ты молод, вероятно, лет тридцать, – женщина опустила руку и накрыла ею вторую, которой держала палку. Покачала головой.

– Вы правы, – поражённо проговорил я. – Ну ладно, пойдёмте. Я помогу Вам перейти дорогу.

– Хорошо, – она кивнула и ухватила за мою руку. – На той стороне должен быть парк. Мне туда.

– Я понял.

Когда мы очутились на другой стороне, она обняла меня в ответ на оказанную ей помощь. Или, потому что захотела обнять меня. Я погладил её по плечу и слегка похлопал. То необычное чувство опять всколыхнуло меня изнутри. Во мне, словно, выработался условный рефлекс на объятия, а в голове мелькнула мысль, что я ждал его появления. Мне показалось, что женщина тоже должна была ощущать его, только по-своему. Она, как будто, впитывала мою энергию, и в то же самое время делилась со мной своей. Так же

мягко похлопала меня по спине и легко вздохнула.

– Как поживаешь, дружище? – вдруг сорвалось с моих губ, и я ужаснулся.

– Нормально, – ответила она мягким голосом. – Спасибо, молодой человек, дальше я сама.

– Берегите себя, – пожелал я ей на прощанье. Женщина улыбнулась и, погладив меня по щеке, направилась сквозь толпу к парку, который находился в ста метрах от нашего здания. Там, насколько я знал, очень мило. Но самое главное – тихо и уютно.

Я вошёл в офис на десять минут раньше обычного – не ожидал, что доберусь так быстро. Поднимаясь в лифте, я понял, что пребываю в хорошем настроении, не смотря на утренние сюрпризы. Меня захлестнула волна чувств и размышлений о жизни, переживаний за тех, кто выделялся из серой массы по разным обстоятельствам – будь то поведение, внешний вид или образ жизни. Каким-то образом дорога на работу изменила меня на ментальном уровне, сделала со мной что-то, от чего я теперь по-другому воспринимал окружающий мир и людей, его населявших. Может быть, потому что я сам был одним из большинства – серым, вечно спешившим куда-то, одиноким, но в то же время единственным, кто смог открыть глаза? Ведь, всё это большинство озлоблено, жестоко, самолюбиво и притворно. Нет в их сердцах искренности, живости, радости, человечности... И я больше, чем уверен, каждый из них боится себе подобного.

Вот только, если бы мы все попробовали быть другими! Попробовали стать лучше. Смогли бы остановиться и обнять друг друга, открыть сердце и по-дружески похлопать по спине! Может быть, пора сделать именно так?

* * *

– Николай? – кто-то позвал меня издалека. Я моргнул и пошевелился. Пришёл в себя, вернулся в настоящее.

– Буду признателен за расчёт сегодня, – быстро проговорил я и поднялся с кресла. – Пойду заканчивать дела и собирать вещи.

– Мне очень жаль, Николай... – ещё раз извиняясь, сказал он. – Ты можешь зайти ко мне, когда всё закончишь.

– Хорошо, – ответил я и покинул его кабинет.

Все удивлённо смотрели на меня. Ситуация была похожа на сцену из какого-нибудь третьесортного фильма: большое помещение с огромными окнами; множество столов, разделённых невысокими перегородками; сто человек смотрели на неудачника, которого только что вышвырнули на улицу. Только «неудачник» улыбался.

Ближе к пяти часам дня я полностью закрыл все дела, получил расчёт и покинул здание некогда «родной» для меня компании. Я провёл здесь пять с половиной лет и только сейчас понял, что по-настоящему меня тут не было. Осознал, что всё это время занимался никому не нужной «рабо-

той». А был ли толк от того, что я делал здесь? Мне кажется, что нет. С одной стороны, моя работа и работа моего отдела, всё же, полезна обществу. А с другой стороны – её масштабы были преувеличены. Оставалось надеяться, что я принёс хоть какую-то пользу. Хоть кому-нибудь.

В конце дня прошёл лёгкий дождик. Я обнаружил это, лишь выйдя на улицу. Но было тепло. Воздух сразу стал чище и свежее. Всю городскую пыль прибило к асфальту, отчего вода в образовавшихся лужах была почти чёрной. Я поднял голову вверх, чтобы посмотреть на небо. Оно было уже ясным, тёмные тучи уходили на запад, унося с собой грозу и дождь. Как будто из-под кисточки художника, аккуратно вырисовываясь мазок за мазком, в небе появилась радуга. Такая красивая и бесконечная. Я долго любовался ею, думая о том, что никто уже не побеспокоит меня звонком, чтобы сообщить, что груз до сих пор в порту, поставка сорвана или случилось что-то ещё. В этом отношении система работала чётко – человек пришёл в компанию, ему выдали номер телефона, соцпакет, рабочее место, определили обязанности. Человек ушёл из компании – номер забрали и отключили, рабочее место аннулировали, обязанности отменили. Работник был, работника «стёрли».

Я перепрыгнул через одну-две лужи и поймал такси. Не захотел спускаться под землю. Моё настроение подсказывало мне полюбоваться городом после дождя и привести в порядок свои мысли. Я размышлял о многом и теперь

знал, с чего начнётся для меня следующий месяц. Предстояло провести большую подготовительную работу, всё продумать и начинать действовать.

Такси плавно припарковалось у моего перекрёстка. Я расплатился с водителем и вышел, решив ещё немного постоять на улице. Вспомнил про радугу и поднял голову, чтобы найти её. Она ещё была в небе, правда, уже наполовину поблекшей. Медленно растворялась, но оставалась восхитительной.

Когда я уже собрался перейти дорогу, мимо промчался микроавтобус курьерской службы и обдал меня водой из лужи с головы до ног. Сдувая с лица грязные капли дождевой воды, которые скатывались мне прямо в рот, я смотрел вслед микроавтобусу, проклиная его последними словами. На холодный грязный душ под занавес насыщенного дня я никак не рассчитывал.

С трудом сдерживая растущее внутри себя раздражение от произошедшего, я старался не думать о грязной воде на моём лице. Это было сложно, однако, быстро пересёк дорогу. Не хватало, чтоб это повторилось снова. Быстро завернув во двор, я почти бегом направился к подъезду. Злость всё ещё кипела во мне, когда я остановился у двери с кодовым замком и поставил кейс на землю, чтобы снять пиджак и отжать из него воду.

– Николай! – вдруг услышал я за спиной голос и почти подпрыгнул от неожиданности. Это был мой сосед Иннокентий, пенсионер. Со своим фокстерьером он совершал спор-

тивную прогулку по нашему двору, хотя обычно делал это на стадионе по соседству. Каждый раз я смотрел на него и думал, что мне бы тоже не помешала такая ежедневная прогулка. Хотя бы по утрам. Это помогло бы вернуть спортивную форму, которой я некогда был доволен. Но отсутствие времени из-за большого количества работы привело к тому, что подобная возможность для меня исчезла навсегда.

– Добрый день, Иннокентий Михайлович! – поприветствовал я его с кислой миной на лице.

– Добрый! – ответил тот. – Я смотрю, ты решил принять душ? Был трудный день?

– Не то слово, – устало ответил я. Негодование отступало, и я старался быстрее прогнать его. Конечно же, ничего хорошего в этом нет, но сосед здесь ни при чём. Я понимал, что вот-вот сорвусь на него, чего тот не заслуживал. Он учтиво пытался как-нибудь помочь мне, поддержать. Старик-то он добрый. Даже его собака ни разу «не повышала» на меня голос. Поэтому, я взял себя в руки и улыбнулся. Получилось так себе, но он не обратил на это внимания.

– Я знаю, что поднимет тебе настроение, – уверенно сказал Иннокентий и важно поднял вверх палец. – Старый проверенный способ!

Приведя себя в относительный порядок, я приготовился выслушать его. Фокстерьер уселся в шаге от хозяина. Часто дыша и вывалив язык на бок, он принялся наблюдать за нами. Иннокентий Михайлович подошёл ко мне очень близ-

ко, практически наступив на ноги. Предсказуемо развёл руки в стороны и обнял меня. Мне, конечно же, ничего другого не оставалось, как обнять его в ответ. Ведь за сегодня я делал это уже четыре раза и точно знал, что «как поживаешь, дружище» работает. Я обнял его с удовольствием, надеясь, что не стану причиной «большой стирки». И снова ощутил спокойствие, прилив сил и уверенность не только в завтрашнем дне.

Уходя, он пожелал мне удачи, и я ответил ему тем же...

Я полон света

– О, какая встреча! Добрый день! – Он хватает меня за руку своими двумя и начинает неистово трясти.

– Добрый день, – отзываюсь я, не понимая, что это за человек и откуда меня знает.

– Просто не верю своим глазам, – продолжает он, – теперь, я – Ваш поклонник! После того, как Вы спасли того бедолагу, все считают Вас героем! Включая меня, конечно же.

Я вижу, что этот мужик готов задушить меня в своих объятиях от какого-то странного чувства благодарности, и его восторженность моей персоной сбивает с толку. Я цепенею, ком подкатывает к горлу, слов нет. Просто стою, растерянно наблюдая за ним.

– Вероятно, это какая-то ошибка, – наконец выдавливаю я из себя. – Вы меня с кем-то путаете.

– Уверяю, что нет, – он выпускает мою руку и лезет в карман джинс. Его переполняет волнение, и руки немного дрожат, когда он достаёт сотовый. – Разрешите с Вами сфотографироваться?

– Ммм, ладно, конечно, – я киваю, а он обхватывает меня за плечо, наводя объектив фотокамеры телефона на нас. Вспышка! Я удивляюсь, откуда в таком неприметном маленьком телефоне такая мощная вспышка? Да и камера? Но мои мысли снова сбиваются, перемешиваясь в кучу, как

пюре.

– Знаете что? – он впивается в меня глазами. Я замечаю, что его зрачки расширены, лицо покрыто мелкими капельками пота. Мне кажется, что ещё немного, и он просто лопнет от распирающих его чувств и забрызгает меня ошмётками своей плоти. Моё нестандартное, или кто-то бы сказал, большое воображение, рисует в мозгу ужасную картину. Но ничего подобного не происходит. Он лишь трепещет перед тем, как ошарашить меня ещё больше:

– Давайте, я угощу Вас обедом? Меня зовут Дмитрий!

– Ммм... Олег, – замешкавшись, отвечаю я. – Должен отказать Вам. Прощу прощения, но у меня дела...

– О, я понимаю, – он немного остывает, его пыл сходит на нет, огонь в глазах начинает угасать. – Может быть в другой раз? Вот моя визитка, Олег. Прощу, позвоните мне. Для меня это дело чести. – Он нервно переминается с ноги на ногу, опускает голову немного, смотрит из-под густых бровей.

– Хорошо, я позвоню, – обещаю я и протягиваю открытую ладонь.

– Я буду ждать с нетерпением, – Дмитрий крепко жмёт руку, улыбка растекается по его лицу, блеск в глазах появляется вновь. – Спасибо. И всего самого наилучшего! До встречи!

– Спасибо, и Вам тоже, – отвечаю я, понимая, что он не вполне нормальный. Я бы даже сказал «ненормальный».

Я гляжу ему вслед, он слегка горбится во время ходьбы.

Сначала отходит от меня и какое-то время не решается уйти, будто сомневается, стоит ли ему это делать или спросить меня ещё о чем-то. Но потом он пошёл, и до моего слуха доносится его короткая фраза, что, растворяясь в воздухе, пронзает мое сознание раскалённой иглой: «Я угощу Героя обедом... Невероятно!»

Когда он скрывается за поворотом улицы, я всё ещё продолжаю стоять на месте. Спешащие куда-то прохожие, толкают меня плечами, и я отхожу в сторону к бордюру, на угол тротуара. Никаких дел у меня нет, я его обманул. Я просто... не знаю, где нахожусь. Оглядывая улицу, не узнаю ни место города, ни рекламу на щитах, ни автомобили. Следующим мгновением в голове рождается мысль о том, что я не помню даже себя. Кем я могу быть и где я? У меня за спиной какое-то ателье, на нём висит большой баннер. «Пошив любой сложности, реставрация одежды!» – гласит надпись. Я верю. В наше время возможно всё. Но, это мне ни о чём не говорит. Я понимаю, что это мой родной город, но, в то же время, не узнаю его. Просто чувствую это, знаю. Здесь прошла вся моя жизнь. Много приятных воспоминаний всплывает в моей памяти. И я, будто, вновь проживаю их, ещё раз – мой дом, мама, ее нежные руки, тёплые слова, которым я не всегда придавал значения. Был юн и глуп. Моя первая любовь, мой призыв в армию, который ломает всю жизнь. Я многого лишаясь, теряю маму и свою любимую. Однако, всё это важно, всё это сделало меня тем, кто я сейчас. Я приобрёл

опыт, тот, что позволил мне достичь и понять многое. И мне стыдно за некоторые моменты своего поведения и поступки, что я совершил. Я знаю. Только много позже мы сможем осознать всё. Я чувствую, что сейчас именно тот момент. Хотя, всё ещё силюсь разобраться в происходящем.

– Почему Дмитрий назвал меня «Героем»? – внезапно спрашиваю я себя. Вслух. Но, бегущие мимо меня люди не обращают внимания на то, что я разговариваю сам с собой. И, лишь, когда я вижу нечто случившееся на перекрёстке, где я нахожусь, начинаю понимать. Понимать, что я вытащил человека из пылающего автомобиля. Тот, что был сбит грузовиком, который проскочил на «красный». Я спас человека. Я спас жизнь! Надеюсь вспомнить ещё что-нибудь, я вглядываюсь в груды пылающего металла. Глазами ищу спасённого. Осматриваю весь перекрёсток и вижу его, лежащим на обочине, недалеко от места, где я сейчас. Он плохо выглядит, я бы даже сказал, что он «не жилец». Хотя, в моём сердце появляется надежда. Человеческие организмы непредсказуемы. Они способны на многое, только мы не знаем, на что именно. Единственный вопрос, что мелькает у меня в голове, звучит примерно так: «Почему человек, которого я спас, похож на меня, как две капли воды?» Я не знаю. И, что делать дальше, тоже. Но, чувствую, как моё сознание очищается и становится «свободным». Я, будто, падаю в бездонную пропасть. Где нет ничего, и есть всё. И я не сопротивляюсь. Моё тело становится легким, словно сахарная вата. Оно

растворяется в воздухе. Спокойствие и гармония наполняют моё брненное существо. Я чувствую это и мне не страшно. Звуки тают, всё вокруг утопает в ярком свете. Он застилает глаза, пронизывает меня. Сквозь его лучи я замечаю женщину и её ребёнка, мальчика лет четырёх. Она прижимает его к себе, защищая от опасности. А он смотрит в мою сторону. Но свет становится невыносимо ярким, и я больше не вижу его...

* * *

Молодая мама закрывает своему сыну глаза одной рукой, вторую в ужасе подносит ко рту и прикрывает его. Немой крик, губы сложились буквой «о», глаза распахнуты. Мальчик знает, что-то происходит там, куда смотрит мама, закрывая ему глаза. Ему интересно. Отсутствие страха в четырёхлетнем возрасте и непонимание жизни делает этот интерес более сильным. И мальчик раздвигает пальцы маминой ладони, чтобы увидеть. Увидеть, на что смотрят ещё около пятнадцати человек на улице. Он видит, как практически все замерли на месте, их лица выражают испуг и безысходность их поступков. Кто-то схватился за голову, кто-то звонит по телефону и кричит в трубку, чтобы медики и полиция приехали немедленно. Трое из них бегут, пригибаясь и виляя. Бегут к машине, перевёрнутой на перекрёстке. Скомканной, разбитой, лежащей вверх тормашками и горящей.

Мальчик видит другую машину, грузовик, что замер в стене здания. От его шин по асфальту прочерчены кривые и размытые толстые чёрные линии. След торможения протянулся метров на пятнадцать, его остановило здание, в которое тот вонзился. Сжавшись всем своим передом в гармошку, сломав опору первого этажа и разmozжив весь вход целиком. Водителя не видно. В горящей машине человек. Он наполовину вывалился из окна, весь в крови, лицо покрыто гарью и мазутом. Его тело зажато искорёженным металлом, нижняя часть которого скрыта в салоне, охваченном пламенем. Правой рукой он опирается на миллион мелких кусочков разбитого стекла, левую протягивает в сторону бегущих к нему людей, зовет на помощь. Его нужно вытащить, пока не произошёл взрыв. Наблюдая эту картину, мальчик водит глазами по сторонам. Он не понимает, почему этот человек не может сам выбраться из-под навалившегося на него мусора. Справа на углу тротуара возле здания ателье он видит человека, молча и неподвижно стоящего, который недоумённо смотрел по сторонам, а теперь тоже смотрит на человека в горящей машине. Его лицо напоминает мальчику чье-то, совсем недавно виденное им. Если его испачкать, оно будет похоже на то, в горящей машине. Это одно и то же лицо. Одна и та же одежда, только чистая... Такого не может быть! В изумлении мальчик открывает рот. Теперь он понимает, что происходит невероятное. Но объяснить этого сам себе не может.

Секунду спустя он вздрагивает. Так же, как и все вокруг. Кто-то из прохожих отворачивается, сжимаясь в комок. Кто-то падает на землю, закрывая голову руками. Уши разрывает оглушительный грохот и треск. На землю падают кусочки металла и асфальта, мелкий мусор застилает глаза, пыль бьёт в лицо. Горячий поток воздуха, пропитанный бензином и кровью, обдаёт всё тело, пытаюсь сбить с ног. Грузовик разворачивает на несколько градусов от стены, в которой он так и оставался. Мусор летит в разные стороны, стёкла в окнах превращаются в блестящий бисер, брошенный в небо. Машина взрывается. Те, кто бежал к ней, приподнимают головы, распластавшись на земле. Надежда спасти того человека растворяется, он погиб. Никто бы не выжил, это невозможно...

Когда приезжают машина скорой помощи и полиция, уже поздно. И пока люди в униформе занимаются тушением огня, мальчик понимает, что всё могло закончиться по-другому. Если бы помощь прибыла минут на пять раньше! Где-то в глубине души он плачет, рыдает от горя, но лицо его спокойно, ни один мускул не дрожит. Он даёт себе твёрдое обещание, что, когда станет взрослым, будет помогать людям. Спасать им жизни, защищать их. Как это делают врачи, спасатели, пожарники, полицейские...

Свич¹

*Раз, два – вот вам игра,
Три, четыре – мишени все в тире,
Пять, шесть – в списке ты есть,
Семь, восемь – на смерть карты сбросим,
Девять, десять – а жертву повесить.*

...Ты всё сделал правильно! Она заслуживала порки!

Откуда-то взявшийся голос внутри его головы продолжал успокаивать. Он твердил, что всё в порядке, что беспокоиться не о чем, так как никому не было до неё дела. Она – строгий босс, но всем была известна её слабость к выпивке и ночным вечеринкам. Несмотря на свой возраст – хоть она выглядела очень привлекательно, ей было уже за сорок пять – она продолжала вести беспечный образ жизни и соблазнять молодых парней. Иногда даже отбивая тех у их подружек. Деньги позволяли многое и решали почти все проблемы. Кроме одной – рак не хотел сдавать позиции ни при каких обстоятельствах.

– Откуда ты знаешь? – тихо прошептал он, стараясь унять дрожь в теле. Руки тряслись, как у безнадёжного алкоголика, а ладони вспотели и стали липкими. Чувство преследования не покидало его, и необъяснимый страх безжалостно сжи-

¹ Свич (от англ. *switch*) – переключать, переключатель.

мал костлявыми пальцами горло. Он чувствовал себя дичью, которая знала, что на неё устроили охоту. Что было причиной такого состояния, он не знал наверняка. В то же время, его память рисовала образ человека, впавшего в бешенство. Этим человеком был он, кто разбивал оборудование, с кулаками бросался на персонал и покрывал их физиономии кровоподтёками. Потом охрана выбросила его на улицу, и секунду спустя он услышал вой сирен полицейских машин. А что дальше?

Перестань дёргаться! Мир не рухнет от того, что ты избавил его от такой стервы! Тебе ещё спасибо скажут!

Назойливым комаром голос впивался глубже в сознание, проникая в каждую клетку его уставшего тела.

– Что было дальше? – его губы беззвучно шевелились, как бы, жившие своей собственной жизнью. – Что было потом и где я сейчас?

Он сидел в ночном клубе. В самом тёмном углу, где его вид и состояние были не заметны остальным. Гремела музыка, а яркий свет прожекторов, что двигались той в такт, освещал площадку для танцев, битком набитую завсегдатаями. За второй кружкой пива – он понял это по пустым ёмкостям перед собой – следовала уже четвёртая стопка водки. И ещё пять выстроились в ряд по левую руку. Он был, словно, во сне и старался понять, реально ли всё происходящее

сейчас. Нехарактерное для него место и обстановка, и он – человек, который находится не в том месте не в то время. Шёл второй час ночи, но интуиция подсказывала, что возвращаться домой нельзя. По крайней мере, сейчас.

– Не припомню, чтоб я так много пил, – пробубнил он.

Ты празднуешь освобождение, парень! Напейся в стельку, тебе это необходимо!

Голова начала кружиться. Дрожь уходила, натянутые прежде нервы провисли мягкими нитями. Разум погружался в состояние покоя, но, в то же время, делался острым, как лезвие самурайского меча. Он откинулся на спинку кожаного дивана, а перед глазами появился её образ. Рассерженное лицо, горящие огнём глаза и рот, искривлённый в оскале. Она тычет ему в лицо пальцем и кричит, что он укусил руку, и за это получает пинок под зад. Сильный пинок, благодаря которому его теперь никто и никогда не примет на работу даже в аптеку. По крайней мере, в этом городе. Вся его жизнь летит в тартарары, и за это кто-то должен заплатить. Секунду спустя он уже понимает, что просто так этого не оставит...

Он вспомнил поздний вечер, почти ночь, и себя. Он ждал, притаившись в своей машине на углу улицы. Ждал, когда она покинет здание, чтобы отправиться домой. Удивлением ему было обнаружить, что она жила в одном из домов его кубика. Практически в доме напротив, где он снимал квартиру

последние пять лет. Почти столько же, сколько он работал на её компанию. Чёртова стерва! За все его заслуги, когда всё делалось быстро и правильно; когда он старался и вкладывал в работу частичку своей души, потому что «болел» за результат; когда кроме него никто не мог с чем-то справиться – его взяли и слили в унитаз. Как кусок дерьма. Днём ему удалось скрыться от полиции. Он просто убежал, спрятавшись во дворах. Но она должна заплатить! Должна, будь он неладен!

Видишь, за ней был должок! Она сама виновата, не бери в голову...

Он потёр глаза и взглянул на руки. Те показались ему чужими, с гладкой кожей без пор и ложбинок, утыканными толстыми пальцами-колбасками. Растеряно, он огляделся. Во тьме окружающие стены и люди двоились, и казалось, что пространство сейчас сожмётся и раздавит его. Силуэты людей напоминали уродливых чудовищ, согнутых пополам или болезненно прихрамывающих. Они были везде. Они, будто медленно окружали его, потому что испытывали голод. Их пища – он, и сейчас они набросятся на него и разорвут на куски. Неприятное ощущение загнанного зверя крепко засело в нём. Нужно прогнать его немедленно, ведь всё в порядке, никто ничего не знает. Незачем морочить себе голову. Он протянул руку к стопке номер «5» и резким движением

опрокинул её. Водка скользнула вниз по горлу, заставив содрогнуться всем телом. Скулы на секунду-другую свело, и он услышал, как скрипнули зубы. Эта приятная горечь! Сейчас её заслугой стало возвращение разума в нормальное состояние. Через минуту изображение нормализовалось, и всё обрело чёткие границы.

Отлично! Молодец!

– Я знаю, – выдохнул он.

– Мы тоже знаем, – звонкий голос ворвался в его голову. Новый, но ужасно знакомый голос. – Тебя же сегодня «увелили», да?

Он проследовал взглядом в сторону голоса. Справа от него из темноты сияли две пары глаз и одна белоснежная улыбка. Не сразу, но он узнал их. Две молодые сотрудницы компании, что некогда была «его домом». Одну точно звали Наталья, а имя второй он не знал.

– Что вы тут делаете? – его лицо вытянулось от удивления.

Кто это? Откуда они узнали, где ты находишься?

– Заткнись, – раздражённо бросил он. Девушки переглянулись.

– Это я не вам, извините, – быстро нашёлся он. – Я тут... беседовал... он только что ушёл...

– Ладно, проехали, – отмахнулась Наталья, а её спутница, удобно устроившись на мягких подушках, прикурила сигарету и улыбнулась. – Можно с тобой посидеть?

– Как хотите, только я не настроен на разговор, – он пожал плечами и опустошил стопку номер «4».

– Я понимаю, – Наталья тоже прикурила и, наклонившись близко к его уху, добавила: – Лично я на твоей стороне... С удовольствием бы размазала её по паркету. – От неё повеяло духами. Весь прежний хмель улетучился в секунду, а голова теперь кружилась от необыкновенно сладкого аромата. Что-то похожее на карамель или печенье с арахисом и мёдом. Мягко погладив его по плечу, Наталья присела с другой стороны и взяла его под руку. Теперь он был в центре внимания двух очаровательных дам. Случайность? Определённо. Их глаза говорили об этом. И... они не знали. Не знали того, что он уже сделал. Для них всё оставалось по-прежнему. А что он сделал?

Это не случайность, они в курсе... Пока не поздно, избавься от них, парень!

– Мне пора, – резко бросил он, вставая и проглатывая одну за другой стопки номер «3», «2» и «1». Нервы вновь натянулись струнами.

– Да постой же ты! – Наталья дёрнула его за рукав. – Дай познакомлю со своей подругой. Павел – это Анна, Анна –

это Павел.

– Очень приятно, – машинально ответил он, понимая, что ситуация начинает его раздражать. Он не нуждался в новых знакомствах, особенно сейчас.

Наталья была немного пьяна. Она сверлила его взглядом. Широкая улыбка демонстрировала красивый рот, белые зубы и острый розовый язычок. Она, словно, родилась такой, никогда не знавшей других эмоций. Либо, она радовалась жизни и не скрывала этого, либо в этот момент мышцы её лица заклинило по какой-то причине. Но, глядя на её тело, голову посещала всего одна мысль – моментальное желание овладеть этим телом. И он понимал, что именно этого ей и хотелось. У неё был такой настрой, она искала приключений. Они вдвоём хотели этого.

Это ловушка!

Голос уже колоколом звенел в голове. Пришлось прислушаться к нему. Они могли знать, они могли догадываться. Ведь, если подумать, следствием такого неприятного конфликта легко могла стать фатальная развязка. Фатальная для директора. Легко предположить, что он просто «слетел с катушек». Такое возможно, и этот факт в дальнейшем мог даже послужить ему оправданием. Как люди сходят с ума? Достаточно просто! Нужен сильный эмоциональный срыв или перелом духа, веры. Не это ли случилось сегодня с ним? Он

сошёл с ума, словно его переключили на другую волну или поменяли частоту диапазона. Сошёл с ума от несправедливости, и ярость затмила его разум. Ярость изменила его, вывернула наизнанку и выпустила на волю нечто, что сожрало его с потрохами. А теперь об этом знают Наталья и её спутница. Нельзя допустить, чтобы завтра это обстоятельство стало известно остальным. Наверное, сейчас они тянут время, пока отряд быстрого реагирования мчится к ночному клубу, где бы он ни находился. Нужно срочно что-то предпринять.

Они всем разболтают... Их нельзя отпускать, всё изменилось... На твоей шее затягивают узел, парень!

Голова разболелась, но озарение пришло само собой. Идея, отличный выход. Решение проблемы и её возможных последствий, если он правильно разыграет карты.

– Не хотите уехать из этого шумного места? – вдруг спросил он. Его качнуло, но он удержался на ногах. Девушки рассмеялись и переглянулись. – Прямо сейчас.

– Твоё предложение? – заинтригованно спросила Анна. Он заметил, как она прикусила уголок нижней губы, а её глаза заблестели. Тело выпрямилось, демонстрируя желание, которое не нуждалось в объяснении.

– Есть одна интересная идея, – улыбнулся он. – Я думаю, такого опыта у вас ещё не было.

Закопай их поглубже. Но сначала...

— Я знаю, знаю, — мысленно ответил он надоедливому голосу в голове.

Выходя из клуба, они не слышали, как на полке мини-бара телевизор сообщал об автомобильной аварии. Прошлым вечером столкнулись три автомобиля, в результате чего погиб один человек, и четверо с травмами разной степени тяжести доставлены в больницу. Погибшим человеком и виновником ДТП оказалась женщина, некая госпожа Н.П., владелица крупной фармацевтической компании. Камеры наблюдения зафиксировали резкое увеличение скорости перед перекрёстком, и на повороте женщина не справилась с управлением. По предварительным данным, причиной могло послужить состояние алкогольного опьянения последней.

Лишь ты спасенье мне

– В твоей жизни есть светлое пятно, – говорит ОНА или голос просто звучит в моей голове-барабане, – и ты прекрасно об этом знаешь.

– Да, мой сын, – отвечаю я. – Но, он не хочет знать меня больше...

– Почему ты так думаешь? – странная ухмылка, хотя, чему мне удивляться.

– Потому что, это моя вина...

– Это лично твоё мнение?

– А чьё же ещё? – я не притворяюсь, моё удивление самое, что ни на есть настоящее.

ОНА бесшумно обходит мой стул, на котором я сижу последние полчаса, зажав в одной руке рюмку, в другой очередную дымящуюся сигарету. Холодные руки дрожат, силы постепенно покидают меня, организм истощён физически, а душа порвана в клочья. Уже последний год. Я ничего не могу изменить. Сам виноват! Не будь я последним дураком, всё было бы по-другому. Но человек слаб, он постоянно в искушении. А бесов – бесчисленное количество. И они выжидают, когда тот будет наиболее уязвим. Но, и часто сами подбрасывают кость. Правда, в некотором роде, этой костью был я сам. Что ж, после драки кулаками не машут. Мой разум был затуманен, и я не думал.

– Твой поступок, без сомнения, не имеет оправдания, но могу предположить, что тебя к этому подвели, – ОНА пожимает... плечами, как бы говоря «Что тут поделаешь...» – Хотя, как знать, если бы ты сказал «нет», может, в моём списке было на одного человека меньше...

– Ты и её забрала? – образовавшийся ком в моём горле смыкает стопка горечи.

– Да, – ОНА кивает капюшоном, внутри которого обычно бывает голова, – сразу, как она ушла от тебя, из твоего офиса... А тебе следовало придумать что-нибудь поумнее вместо работы над срочным проектом, либо сказать правду. Но это уже не моё дело, ты же понимаешь?

– Я виноват, – шепчу еле слышно, ждать осталось совсем недолго.

– Твоя жена была очень эмоциональной личностью, – капюшон наклоняется прямо к моему лицу, но я не хочу смотреть в него, – и вместо того, чтобы закатить истерику, она решила выйти в окно пятнадцатого этажа. Ладно, просто это случилось раньше. Мне, знаешь ли, без разницы. Ставлю галочку.

Её хладнокровный тон и безразличие мне понятны. С чего переживать? Ведь это не ОНА разбилась в лепёшку...

– Но я думаю, ты ошибаешься... – продолжает ОНА учтиво, а мой жест обрывает Её.

– Да какое тебе, собственно, дело? – удивляюсь я, – разве это для тебя важно?

– Я на работе, понимаешь? – шлейф ЕЁ балахона задевает моё плечо и скользит по спине. ОНА делает круг по кухне, погружённой почти во мрак и наполненной запахом моего позднего раскаяния. Скрежет металла по керамической плитке пола разрывает мои барабанные перепонки и подтверждает принятое мной решение. Я жаждал ЕЁ визита, хотел почувствовать запах серы. Ждал, когда электричество в моём теле будет пронзать плоть своими тонкими жалящими нитями и напоминать о жизни, которую я собственными руками спустил в унитаз. Мурашки бегут по моей коже, а я не верю, что всё это происходит на самом деле. Но я спокоен, мне уже всё равно. – И, будучи настоящим профессионалом, в первую очередь, мне нужно понять, насколько сильно ты нуждаешься в моём содействии, во-вторую – разобраться в действительной необходимости моего содействия и неизменности твоих намерений... Сложно?

– Не то слово, – я затягиваюсь сигаретой и запиваю её горький дым не менее горькой водкой. – Почему, всегда всё делается через одно место? Я уже всё решил и прошу всего ничего – забрать меня с собой... Неужели это так сложно?

– Ты должен понять, что всё как раз наоборот... Существуют правила, не всё в моей власти, хотя я бы с удовольствием!

Тень проходит по ЕЁ... лицу. Я жалею, что не могу видеть эмоций. Мне бы так хотелось знать, что ОНА чувствует, видя меня таким. Да и, вообще, способна ли на чувства? Вряд ли.

Мне не понятно это сомнение, какие-то отговорки, увиливания... Зачем всё это, если я сам подписал приговор? Берите меня тёпленьким, а, если я не прав, то не найти мне покоя до скончания веков. И этот крест нести лишь мне самому.

— Я связана обязательствами, — продолжает ОНА, — и не вправе выходить за рамки, как бы мне ни хотелось. Сейчас я лишь трачу с тобой время, а ты пытаешься меня убедить в своей правоте. Я знаю больше, я вижу больше. В конце концов, у меня есть списки. Настоящих, не таких, как ты. И их миллионы. Большинство из вас не хочет нести ответственности за свои поступки. Вы боитесь *жить*. Хотите умыть руки, думаете, так проще. На каждом лежит бремя, и каждый должен выполнить своё предназначение. Пока этого не случилось, я жду. И сверяю списки. Бывают ложные вызовы, и, заметь, никто не платит мне компенсаций за это. Думаешь, мне легко?

Я делаю новый глоток и киваю. В какой-то степени ОНА права, и я даже собрался пожать ЕЁ холодную... руку или то, что от неё осталось. Или то, что сжимает черенок сельскохозяйственного орудия труда. Это очень сильно напоминает кисть. Я улыбаюсь, а кровь из моих перерезанных вен уже промочила скатерть, и руки успели прилипнуть к ней. Когда я с трудом тушу бычок в пепельнице, ОНА стоит у меня за спиной и что-то бормочет. Может ли ОНА бормотать, или в затухающем моём сознании это лишь странный звуковой дефект? Мои веки наливаются свинцом и становятся неве-

роятно тяжёлыми, руки безвольно протягиваются по столу. Хорошо, хоть, успел выпить на посошок и крепко затянуться... Тело поддаётся вперёд, и я распластываюсь на цветных узорах скатерти, подкрашенных собственной кровью.

– Ты просто дурак, – доносится до меня из далекого далека или странное эхо звучит в голове, – я не могу тебе помочь. Финал твоей жизни сейчас не моя проблема, потому что, ещё не время. Но кое-что пришлось сделать для тебя. Так что, подумай над этим...

Оттуда же, издалека, я слышу приближающийся вой sireны «скорой помощи», а ОНА мягко прошелестела за спинкой стула к окну. Вновь раздражающий скрежет, но уже не такой резкий. Секунда – и тишина. А затем странное ощущение. Теперь, словно кто-то или что-то мягко прикоснулся к моим плечам и провёл по ним... ладонью? Занавес. Разочарование. Накрывающая всё моё существо грусть уносит меня в темноту.

– Повидай сына, – еле слышу я тонкий угасающий шёпот, – он не винит тебя в том, что я забрала его маму. И дело вовсе не в твоём поступке. Тому было время...

Тик-так

Я должен... Нет, я просто обязан, следить за тем, чтобы время шло правильно. Мне необходимо поддерживать «жизнь» в них. Во всех их разных формах. Это моя судьба. Я знаю. Так делал мой отец и учил меня. И отец моего отца делал то же самое. Это нить, соединяющая наши поколения. Нить, которая позволила нам всё делать вовремя. И я передам эти знания своему сыну, если он у меня когда-нибудь родится.

Смысл моей жизни в том, чтобы следить за часами. Я – механизм, который управляет другими механизмами. Которые, в свою очередь, управляют течением времени. Вместе мы делаем его бесконечным. Бесконечным и точным. Таким, чтобы определённые моменты нашей жизни имели более сильную эмоциональную окраску. Чтобы они могли быть управляемыми, прогнозируемыми и запомнились навсегда. И весь этот процесс – я сам, моя жизнь. По которой ноги несут меня последние двадцать два года.

Наш магазин находится на окраине города. Небольшое перестроенное промышленное здание, почти авиационный ангар. Но он современен, хоть и дизайна двадцатого века. Есть все коммуникации, современная охранная система, телефон, интернет, подземный паркинг и даже бассейн на плоской крыше, где устроен маленький уютный сад. Почти оран-

жеря. Сегодня я работаю один. Так же, как и последние восемь лет. Теперь всё зависит только от меня. Штурвал крепко сжат в моих руках, я не давал и не дам слабинки. У меня большие планы на жизнь, и следующее в списке, чего бы мне хотелось – это желание не покидает меня уже очень долгое время – увидеть море. Не поймите меня неправильно, я не оставляю свой пост. Мой долг остаётся долгом, и я исполняю его со всей ответственностью. Однако, то доброе, что я храню в душе, нуждается ещё в одном опыте. Я знаю, это придаст мне новых сил. Мне нужны новые ощущения, нечто более прекрасное, чем всё когда-либо виденное мной раньше. Я живу в механизмах, шестерёнках, пружинах, замочках, винтиках и клёпках. И, следуя семейной традиции, мне от много пришлось отказаться. Это мой выбор, и я не чувствую себя ущербным. Всё в порядке. Просто, время от времени, я выбираю момент, к которому основательно готовлюсь, чтобы открыть для себя что-то новое: книгу, схему, район города, продукт питания, видеоигру, человека... Процесс процессом, но я стараюсь жить нормальной жизнью обычного человека. Стараюсь идти в ногу со временем. Хороший каламбур, но это так.

Очень многие приходят ко мне. Никогда бы не подумал, что все так зависят от времени. Вспоминая слова отца, я понимаю, что он никогда не ошибался. Он говорил, что всё в мире зависит от минут и часов. Был уверен в расписанной схеме бытия, где любые события, люди, их поступки

и последствия двигаются установленным курсом. Определённым порядком, который поддерживается временем. Для этого нужно за ним следить. Поэтому, каждому необходимо иметь часы. Даже Жизнь и Смерть прислушивались к тика-нию. Это, как тренд, которому всем приходится следовать. Иначе, выпадешь из процесса.

Кто-то заказывает специфические формы, кому-то нужен классический дизайн. Но все однозначны в своём решении – время должно быть точным, а механизм идеальным. Что всегда неизменно. Таково мое кредо. Бывает, я привлекаю других мастеров, в помощь из-за срочности заказа. В первую очередь тех, кто знал и работал с моим отцом. Но и другие меня никогда не подводили. Работа всегда слажена и на сто процентов делается качественно. Иначе, смысл моей жизни не имел бы значения. Да я и не умею по-другому.

Тот день я спланировал. На что мне понадобилось три недели. Основательно всё обдумав, я закончил работу и сделал приготовления для отправки. После чего полостью освободился. В очередной раз. На ближайшие пять с половиной часов. Я распустил мастеров, расплатился с ними и меня ничего более не держало. Мой новый опыт ждал меня на пристани, в доках. Арендованное маленькое рыболовное судёнышко было готово доставить меня на мыс в бухте по соседству. Именно там находилось место, откуда я смогу увидеть всё великолепие моря. Но для меня стало неожиданностью встретить там одно нежное создание. Прекрасную девушку

с желтыми кудрявыми волосами. Хрупкую романтическую натуру. Мой отец также говорил, что ход времени и его законы иногда нарушаются Случаем. Я не согласен с ним. Не «нарушаются», а дополняются, так сказать, корректируются. Наша встреча стала началом моей новой жизни. Более полной. С красивым именем Алиса. Именно она нарушила мой временной ритм. Мой соло-забег на длинную дистанцию в жизненном марафоне. Именно она родила мне маленького Сашку. Того, кто улучшил меня и превратил в «нас». И он не даст песку просочиться сквозь пальцы.

Я снова должен... Нет, я просто обязан, следить за тем, чтобы время шло правильно. Теперь уже наше общее. Которое вольётся в бурное течение Вселенной и добавит ещё несколько часов нового цикла. Это мой долг, и я сделаю всё правильно. Я не умею по-другому...

Дитя моей синей птицы

Как если бы миф был правдой, так и этот предмет мог находиться где угодно. Проблема заключалась в том, что никто не знал этого наверняка. Мой отец был военным, и, согласно секретным документам, к которым он имел доступ, эта штука существовала и появилась то ли из космоса, то ли их другого измерения. Много лет назад, незадолго до катастрофы. Нечто абсолютно необычное, обладавшее поразительными качествами, которые не поддавались объяснению. Одно из упоминаний в этих документах было о том, что неизвестный предмет мог предсказывать будущее, трактовать прошлое и оценивать настоящее. Так ли это было на самом деле? Либо нечто, принятое не за то «нечто», объявили панацеей, либо очередная пыль в глаза тем, кто выжил. Как бы то ни было, истина в любом виде могла только навредить большинству, и логичнее было морочить всем голову. Поэтому в ближайшее время я собирался это выяснить.

Мой дед любил повторять:

– Сдаётся мне, что наступит день, когда мы – человечество – будем наказаны за небрежное отношение к природе. Она возьмёт своё, не сомневайся, это вопрос времени...

Я понял, что он хотел сказать, лишь когда мне исполнилось двенадцать лет. Тогда я узнал, что «земной щит» скоро перестанет выполнять свою функцию. По одной простой

причине – он изнашивался, и теперь состоит из «дыр». До седьмого класса мои заботы сводились, в основном, к учёбе. Мне приходилось много трудиться, чтобы соответствовать статусу нашей семьи, нашему «дереву». Но, как среднестатистическому ребёнку, мне хотелось совсем другого. В итоге, чувство ответственности, всё же, возобладало надо мной, и я стал уделять больше внимания урокам. Моим любимым предметом стала экология. Вероятно, где-то на подсознательном уровне, именно она сыграла ключевую роль в моей жизни. Я не сразу осознал это. Сейчас я вряд ли вспомню своё первое занятие по этому предмету, но точно уверен, что мне было безумно интересно, и я произвёл впечатление на своих родителей, когда поделился с ними своими мыслями. Они высоко оценили мою заинтересованность глобальным вопросом и стремление предложить миру идеи по улучшению качества жизни. Моя мать – биолог мирового класса, дед был физиком и председательствовал в крупнейшем научном институте своего времени, который объединял все страны и координировал международную научную платформу. Так что, можно сказать, яблоко упало прямо у ствола яблони.

Мы знали, что наш мир скоро погибнет. Но не знали, что делать... Я не знал, что делать и нуждался в совете.

Сейчас мне тридцать лет. Я – глава научного института и занимаюсь исследованиями в области атмосферных явлений и изучением общей экологической ситуации на плане-

те. Вместе со мной трудятся ещё две группы учёных, каждая из которых состоит из двадцати пяти человек. И все мы хотим изменить нашу жизнь, спасти её. Человечество вымирает, процент населения катастрофически падает, а уровень рождаемости слишком мал. Кардинально изменить уже ничего нельзя, а строить купол вместо разорванного озонового слоя просто некому. Но мы, всё же, кое-что делаем, и, надеюсь, не зря. В моём стремлении исправить положение есть и собственные мотивы. Они должны пролить свет на мою судьбу, а также привести меня к ответам и решению нашей глобальной проблемы. Чужие земли ждали меня.

Я отправился в путь, уповая на удачу...

* * *

Огромный красный шар утонул в закате. Он растягивал минуты прощания, молча напоминая о приближении холодной ночи. Как будто, не хотел уходить. Долгие пятнадцать часов дня подходили к концу. Но немногие могли оставаться на поверхности в любое время суток. Даже мутировавшие существа не показывали носа в течение дня, когда степень радиации в разные промежутки времени колебалась от безвредного минимума до критического максимума. Однако, в некоторых зонах, её не было вовсе. Некогда люди разделили всю поверхность на определённые участки, создав карту с местами, чистыми от радиации. Это считалось неким

феноменом, так как невозможно было понять, каким образом и почему земля смогла отвергнуть её. Ночью температура, бывало, опускалась до минус пятидесяти, но в основном, держалась на отметке тридцать-тридцать пять ниже нуля. Для тех, кто не боялся замёрзнуть – даже на смерть – это было время охоты, и человеку не сулило ничего хорошего. Хотя самыми опасными были первые два-три часа после захода.

Солнечное излучение привело в действие губительные механизмы, сотворённые самим человеком. Обрушившись мощным потоком на поверхность и опалив её, оно стало причиной непроизвольной детонации ядерного арсенала всех стран. Придя к соглашению, мир почти отказался от его использования. Большинство зарядов успели вывести из боевой готовности. Но остатка хватило для начала новой эры. Такой, из которой исчезли города, реки, моря, деревья, чистый воздух...

Ещё совсем немного, и солнце в последний раз за столь бесконечный день ярко блеснёт жгучим лучиком из-за кромки дюны. Теперь, всё по-другому. Люди, в конце концов, добились того, к чему шли многие десятилетия. Шли и, в то же время, отрицали факт собственного губительного воздействия на атмосферу планеты. Необычайные и уникальные в своём разнообразии ландшафты перестали существовать. Их сменил практически однотипный, унылый пейзаж. Тонны песка и миллионы квадратных километров иссохшей

почвы превратили Землю в пустыню, прорезав её бескрайними сухими равнинами и высокими песчаными холмами. Временами жаркий ветер срывал с их верхушек песок и распылял его над мёртвыми землями.

Умирающий день был окрашен тёмно-бардовым, густым цветом. Раскалённый воздух вибрировал над кривым горизонтом, искажая панораму. Мягкие, словно живые, песчаные горы медленно плыли в сторону. Они выглядели комьями расплавленного пластилина, который стремится быстрее пройти сквозь пальцы, пока его не превратили в нечто иное, чем он является на самом деле. Мираж вероятного будущего или, всё же, кричащее настоящее? Граница стёрта, и тяжело что-то утверждать. Тогда никто не мог сказать или предположить, каким мир был бы спустя пятнадцать лет. Главное то, что он пока ещё существует, он есть. И оставшимся людям придётся постараться, если они хотят вновь сделать его таким, каким тот был раньше. Или, хотя бы, приблизительно на него похожим...

Порыв горячего ветра поднял с земли песок и превратил его в неистовое торнадо. Большой столп взмыл вверх, застилая собой заходящее солнце. Он со свистом пронёсся между холмов и обрушился на песчаное плато, где находилось большое разрушенное здание металлургического завода. Правда, почти под самую крышу тот был засыпан песком. Дальше на запад открывался вид на некогда высокие горы, теперь уже утратившие своё величие. Всё, что когда-то было

погребено, теперь кружилось в страшном танце. Сквозь эту пелену таким же миражом, как и всё, что могло быть вокруг, еле-еле просматривался огромный шпиль. Его хромированные иглы торчали в разные стороны. Упорядоченно, строго расположившись на одинаковых расстояниях друг от друга. Не менее трёх десятков. Они покрывали всю его блестящую поверхность. Словно длинный металлический посох или воткнутое в землю копьё, шпиль возвышался над песком примерно на пять-шесть метров. Может и больше. Из-за своей тонкой цилиндрической формы, он мог выглядеть обычной зубочисткой на бескрайнем песчаном фоне. Но, в то же время, и быть похожим на молчаливого исполина, исполненного уверенности в своей силе и правоте. Он был незыблем и выглядел фундаментально. В этой местности никогда не ступала нога человека, и лишь Вселенная могла быть свидетелем присутствия этого предмета.

* * *

Я заметил его с вершины холма, когда изучал местность, чтобы определить своё дальнейшее направление. Это была граница очередной «чистой» зоны, и через несколько километров она закончится. Я осторожничал, потому как, именно на таких участках вероятность нападения крайне высока. Этого человека преследовали. По фигуре и движениям я догадался, что это не зверь, хотя издалека он выглядел

неким сгорбленным существом с длинной шерстью. На спине из стороны в сторону болталась винтовка, по груди бил бинокль, а небольшая кожаная сумка оттягивала правое плечо. Ремнями одно бедро охватывал чехол с армейским ножом внутри, а на поясе из-под распахнутой шкуры виднелось мачете. Он был примерно моего роста, его экипировка чем-то походила на мою, только цвет был другим. Правда, с такого расстояния я не мог точно определить оттенок. Даже ружьё с длинным стволом выглядело моим. И у меня тоже были армейский нож и мачете. Он размахивал руками, будто отгонял пчёл или отмахивался от роя назойливых комаров. Спотыкался и кубарем летел вниз по склону, потом поднимался и снова бежал вперёд, падая и вставая. Его ноги часто вязли в песке, что говорило о рыхлости покрова. Значит, здесь слой более толстый, и твердая почва скрыта глубоко под ним. Этому человеку нужна была помощь. Но я поздно догадался, что им был я сам.

Мой навигатор предупреждал меня о присутствии здесь большого количества неких существ, которые облюбовали для себя эту область. Но пока я не встречал ни одного. Сейчас, обнаружив человека внизу, я насчитал пять тварей и трёх существ, похожих на людей. И те, и другие были хищниками. Хозяева и их «собаки для травли». Сомнений не было, это настоящая охота. Впервые в жизни я увидел организмы, не похожие на людей. Смертоносные и хитрые. Подобных им – миллионы, и до сих пор мне крупно везло, раз я

ещё ни с кем не встречался лицом к лицу.

Низина наполнилась криками человека, воем и гавкающими звуками существ. Они клацали острыми зубами, рвали шкуру кривыми когтями, рычали. В своё время я успел научиться метко стрелять и, когда открыл огонь, в первую очередь убил существ-хозяев. К моему удивлению, другие моментально бросились врассыпную, даже не посмотрев в сторону выстрелов. Подняв за собой облака пыли, они оставили окровавленную жертву в покое и растворились в густых сумерках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.